

The illustration depicts a female warrior with long, dark, wavy hair and a white headband. She is dressed in a light-colored, short-sleeved button-down shirt tucked into dark, form-fitting trousers, secured with a wide brown belt. She wears dark, lace-up boots. In her right hand, she holds a large, ornate, curved bow, and a quiver of arrows is slung over her shoulder. A sword with a red hilt is tucked into a scabbard on her left thigh. She stands in a desolate landscape with a ruined stone archway and a castle tower in the background. The sky is a mix of soft pinks, oranges, and blues, suggesting a sunset or sunrise. Red cherry blossom branches frame the top of the scene, with petals falling. A faint red circle is visible behind her head.

НИНА МАЛКИНА

красные луны квертинда

ОРДЕН КРОНА

АРМИЯ СВОБОДЫ

16+

Красные луны Квертинда

Нина Малкина

Орден Крона. Армия свободы

«Автор»

2021

Малкина Н.

Орден Крона. Армия свободы / Н. Малкина — «Автор»,
2021 — (Красные луны Квертинда)

КНИГА ТРЕТЬЯ. "Будь свободен - устанавливай правила!" - гласит лозунг Ордена Крона. Армия свободы шагает по Квертинду, выжигая на своём пути остатки некогда величайшей династии и её наследия. Скоро мир запылает в огне, и на пепелище родится новое королевство - честное, свободное от старых устоев и древних проклятий. Но Квертинд не намерен легко сдаваться и преподносит новые сюрпризы, раскрывая глаза на то, чего я раньше не замечала. Меня зовут Юна Горст. И больше я не смеюсь в лицо опасности...

© Малкина Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Вдовый плач	5
Глава 2. Вальс в темноте	25
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нина Малкина

Орден Крона. Армия свободы

Глава 1. Вдовий плач

Наш баркас шёл плохо.

Море лупило ледяными кулаками в борта и раскачивало палубу. На каждую крохотную волну жалкое судёнышко взбиралось неохотно и с явным облегчением плюхалось о тёмную гладь, чтобы в следующую секунду сделать очередной героический рывок.

От такой качки завтрак стоял у меня в горле, но наружу, к счастью, не просился. Я полулежала в трюме, натягивая на нос задубевший от соли плед. Вытянуться в полный рост мешали огромные тюки с провизией, ящики с оружием и запечатанные бочки. Казалось, они распирали нутро трюмной каюты и заставляли баркас натужно стонать от боли. Несчастный рыболовный корабль не был приспособлен для перевозки грузов, поэтому его жалобный деревянный вой заглушал даже громкий плеск волн.

«Хррррррр», – новый крен развернул судёнышко влево, и меня, как тряпичную куклу, метнуло на вязанку курток и ватников. Я вцепилась в неё репейником и посильнее стиснула зубы.

– Погода не способствует морским прогулкам, – голос с палубы ворвался вместе с порывом ветра и брызгами пены. – Но мы скоро прибудем. До острова Грифффорд часа три пути, не больше.

Я сощурилась от тусклого света. Тёмный силуэт загораживал почти весь проход, пах морем и едва уловимо – терпкой пряностью. От сладкого запаха тошнота всё же дала о себе знать. Тяжело вздохнув, я откинула покрывало и села. Потёрла глаза.

Со вчерашнего дня поспать так и не удалось.

После встречи с Джером я вернулась в свою комнату, намереваясь хорошенько отдохнуть перед поездкой. Но вместо этого долго ворочалась в постели, раздумывая о трудной жизни квартинцев и своей собственной. «Неужели я так никогда и не стану счастливой? Может, ментор прав и такая свобода, которая требует борьбы, только гнетёт и портит благополучие?» – без конца вертелось в мыслях. В качестве последней попытки заснуть я сунула голову под подушку, но и это не спасло. Мешало всё: звёздный свет из окна, мерное сопение соседок, слишком холодная постель, вмиг показавшаяся неудобной. К утру сон так и не пришёл, поэтому я плюнула на попытки провалиться в забытие и вышла из академии рано, ещё до песни Сирены. Знакомое «Как сладок сна конец...» настигло меня уже в приюте, полностью собранную и готовую к поездке.

– Мы вовремя отбыли, как раз до отлива, – Демиург сел напротив и протянул мне исходящую паром кружку. – Так что трудностей в пути не возникло. Если любишь морские пейзажи, можешь подняться на палубу. Отсюда открываются восхитительные виды на архипелаг. Мы как раз подплываем.

Я обхватила ладонями посудину с горячим напитком, понюхала. Чихнула, потёрла заledenевший кончик носа, но всё-таки прохрипела в ответ:

– Не люблю.

Первый же глоток приятно согрел внутренности и протолкнул тошнотворный ком в желудок.

В металлической чашке плавали несколько ягод шиповника и листья мяты. Удивительная простота для того, кого невозможно представить без роскоши в каждой мелочи. Но сегодня

признать в господине Демиурге создателя Ордена Крона было невозможно: напротив сидел обычный мужичок в рваной рыбацкой одежде и натянутой на лоб шапке. Небритый, с обветренным лицом и обкусанными, как у меня, губами. Даже глаза одинакового цвета – мутно-коричневого.

– На берег я с тобой не сойду, – начал инструкцию ненастоящий рыбак. – Там тебя встретит Татовский: проводит к лагерю и обеспечит безопасность.

Говорил он тоже по-иному – коротко, отрывисто, по делу. Да и вообще выглядел недвольным, угрюмым, словно не одобрял грядущую встречу. Или брезговал.

– Мне может что-то угрожать? – я оторвалась от питья и глянула из-под растрёпанных волос.

Судно снова бросило в сторону, и мы оба припали на бок. Кружка булькнула и обдала горячими ароматными каплями, но на дне ещё осталось немного чая. Поймав равновесие, я допила остатки и притулила посуду на какой-то из ящиков.

– Лагерь охраняется не хуже приюта Ордена, так что вряд ли, – Демиург всё-таки взмахнул пальцами по своей изящной привычке. Без перстней этот жест смотрелся по-дурацки. – К тому же тебя защитит твоя фамилия. Дочь Тезарии Горст уже стала символом сопротивления, а после твоего появления в лагере армии весть разнесётся во все уголки Квертинда.

Он замолчал, разглядывая свои ногти.

– И это привлечет в Орден новых людей для будущей войны, – продолжила я вместо него предсказывать очевидные последствия. – Подарит квертиндцам надежду на победу и веру в лучшее, свободное будущее. Всё, как вы и говорили. Так?

– Всё так, – согласился Демиург, но радости по этому поводу не явил. – Свободный Квертинд. Новые правила.

– Свободные квертиндцы, – невольно поправила я, вспомнив вчерашний вечер. Поймала удивлённый взгляд собеседника и спешно оправдалась: – То есть... Конечно, Орден хочет вернуть Крона в королевство, пытается остановить разрушение и проклятие. Но ведь мы ещё сражаемся за людей, правда? За тех, кого иверийские принуждения привели к нищете и лишениям. Эта война ведь нужна им, господин Демиург? Она изменит жизнь квертиндцев к лучшему? Сделает их счастливее?

Шквал вопросов прозвучал слишком наивно, но мне хотелось услышать подтверждение тому, что я всё делаю правильно. Что Джер ошибался, когда говорил о том, что квертиндцы не хотят свободы. Только не ценой войны.

Господин Демиург посмотрел странно, но улыбнулся. Почему-то стало легче, хотя обычно настроение владельца театров меня не тревожило.

– Всё верно, Юна, – непонятно чему обрадовался мужчина. – Мне нравится ход твоих мыслей. Сражаться за квертиндцев, а не за Квертинд! Звучит, как новый лозунг, – он внимательно осмотрел меня и приказал: – Повернись.

– Зачем? – сразу же оцетинилась я, но всё же развернулась к нему спиной.

Ловкие пальцы причесали волосы, натянули до лёгкой боли и принялись заплетать толстую косу.

– Знак соединения должно быть видно издалека, – пояснил Демиург, перевязывая своё творение грязным шнурком. – Старайся вытягивать шею. Шагай смело, будто за тобой уже идёт многотысячная армия. Смотри прямо, но без вызова. И помни, что меня не существует для всех этих людей. На вопросы о господине Демиурге отвечай уклончиво, не подтверждая и не развеивая свою связь с создателем.

– Вы так говорите, будто мы любовники, – развернулась я, но наткнулась на совершенно серьёзный взгляд.

– Позволь квертиндцам создавать свои сказки, – он поднялся и подал мне руку. – А сказки про любовь они любят больше всего.

Я угрюмо устала на мужскую ладонь, всерьёз раздумывая, не укунить ли её. Так сказать, в приступе любовной страсти. Но баркас начал замедлять ход и я всё-таки поднялась, держась за пузатые бочки. Вгляделась в дверной проём, где замаячили фигуры ещё двух рыбаков – судя по пошлым ухмылкам, вполне настоящих.

– И ещё, – шепнул на ухо Демиург перед тем, как выйти. – По традиции, приют Ордена Крона устраивает праздник для кроуницкой знати в честь Дня Династии. Высокородные квартиндцы завтра явятся к закату в сопровождении спутников. В этом году моей спутницей будешь ты.

– Нет, – быстро отказалась я.

– Это был не вопрос, – он подтолкнул меня к выходу. – Мы с тобой должны рассказать нашу сказку ещё кое-кому.

– Я завтра занята, – соврала я.

И сразу же вспомнила танцующий бестиатриум. Скучный праздник в академии, который я собиралась пропустить, отлёживаясь в комнате. Или обжираясь в теплицах с Комдором. Или в библиотеке Голомьяса, на худой конец. Давненько там не появлялась.

– Элигия поможет тебе с дамским туалетом, – как будто не услышал моего аргумента господин Демиург. – Зайдёт к тебе с утра и принесёт всё необходимое. На праздничный маскарад в приюте нельзя являться в студенческой форме.

– Только не она! – запротестовала я. – Если вы снова подошлёте ко мне Элигию, тогда я точно не приду!

– Договорились, – легко согласился мужчина, и я поняла, что попала в ловушку. – Тогда найди приличное платье, сделай причёску и не забудь надеть маску.

Он придержал меня за локоть, будто боялся, что я сбегу прямо сейчас и больше никогда не вернусь. Море снова толкнуло судно, и на палубу посыпались крупные капли от боковой волны, вызвав крепкие ругательства рыбаков. До нас долетели только солёные брызги пены, которые я быстро смахнула рукавом.

– Ты теперь часть Ордена Крона, Юна, – напомнил Демиург, воспользовавшись заминкой. – И у тебя есть обязательства не только перед его армией, но и перед теми, кто её снабжает. Эти люди не мерзнут в лагерях, но их вклад не менее важен. Будь добра, явись завтра вовремя.

– Кем! – крикнули с палубы, и я не сразу поняла, что кричат нам. – Ты девку-то не лапай! Руки за неё пообрубают!

– Или чего похуже, – хмыкнул второй рыбак с тощей шеей. – Вон уже рыщут, аки волчары, по берегу!

– А я и не лапаю! – пробасил Демиург у меня над ухом, и я подпрыгнула – то ли от громкости, то ли от непривычного говора. – Было бы за что её лапать!

– Вы что, представились Кемом?! – прошипела я сквозь зубы.

Мужики засмеялись, оценивая меня сальными взглядами. Самозванец-Кем вместо ответа поднялся по скрипучей лестнице и удивительно гармонично вписался в компанию простых рыбаков. Что-то сказал им вполголоса, и те снова заржали.

Я поднялась следом, жмурясь от утренней хмари и отряхивая труху с ладоней – перила, как и всё на этом баркасе, давно требовали ремонта. Запахнула накидку, выдохнула облачко горячего пара и направилась к самому носу – подальше от мужской компании.

Погода была самой что ни на есть кроуницкой – низкое серое небо и туманная изморозь, перемешанная с солёными брызгами.

За низким бортом пенилось и бурлило Холодное море, неохотно пропускающее баркас к Гриффорду. Укрытый лесом остров торчал над поверхностью моря гигантским заснеженным валуном с лысыми откосами и выглядел абсолютно необитаемым. В ложбинках горы ютились лишь клочья тумана да сосновые рощицы.

Я подула на ладони, замёрзшие от прикосновения к холодному дереву, и вгляделась в подножье Гриффорда. Чёрные точки на белоснежном фоне быстро вырастали в размерах и становились вполне реальными людьми.

Нас и правда встречали.

Вдоль берега бродили трое вооружённых мужчин. Теперь я даже узнала Бешеного Крейга, человека из пятёрки Татя. Его цепкий взгляд пронизывал до костей – мужчина коршуном высматривал пассажиров дряхлого судёнышка. Заметив меня, удовлетворённо кивнул и жестом подозвал двух других встречающих.

Низкий причал под сапогами бойцов тонул в тумане, но чем ближе мы подбирались, тем заметнее становились крепкие сваи, ровный настил и даже отлично сколоченный сарай с добротной крышей. Сразу за ним низкая скала расступалась, образуя неширокий проход, в котором разглядеть что-то не представлялось возможным. Высокие деревья выстроили плотную сеть вдоль всего прибрежного подножья, и заснеженные кроны нависали прямо над кромкой моря.

Потянуло едким, горьким дымом, и я закашлялась. Обернулась на попутчиков – те мелькнули тремя огоньками дымящихся самокруток и довольными рожами. Пару секунд я смотрела на Демиурга, надеясь на последние напутствия, но он даже не повернулся в мою сторону. Поднёс к губам папиросу, затянулся и с хриплым хохотом выдохнул дым, охотно беседуя с рыбаками.

– Юна! – крикнули с берега, и я чуть не вывалилась за борт.

Покрепче вцепилась в край, ожидая столкновения, но судно осторожно и плавно ткнулось носом в причал, разгоняя облака прибрежного тумана. Один из парней накинул швартовый канат и притянул баркас ближе.

– Добро пожаловать на Гриффорд, – Крейг подал руку и улыбнулся.

Наверняка он хотел выглядеть дружелюбным, но бешеным этого бойца Ордена Крона назвали не зря: его вечно бегающие глаза и подёргивающийся кадык выдавали в жилистом парне взрывной нрав. Я могла поспорить, что Крейг имел изначальную огненную склонность, но вряд ли поблизости нашелся бы детерминант для подтверждения моих выводов.

– Привет, Крейг, – бросила я и с его помощью легко перепрыгнула на пирс.

И снова оглянулась – не смотрит ли Демиург? Хоть одним глазком. Может, всё-таки контролирует высадку Юны Горст на остров? Нет, лже-рыбака больше интересовал догорающий окурок в его грязных пальцах.

– Твой визит парни ждали больше, чем бренди в вишнёвых бочках! – похлопал меня по плечу Крейг, не заметивший замешательства. – Как добралась?

– Хорошо, – активно закивала я.

Отряхнула накидку от капель, постучала сапогами. Несколько лирн звякнули в карманах в такт крику единственной олуши, восседавшей на крепкой оgrade.

– Эти хмыри тебя не обижали? – Крейг кивнул в сторону тройки на баркасе и заорал: – Слышь, хмыри, вы её не обижали?

– Гар-гар-гarr! – нахально закрикала желтоголовка за нашими спинами.

Мужчины же, в отличие от олуши, настороженно притихли. Насупились. Оценили взглядом вооружённых парней, потоптались на месте.

– Обижал один, – охотно пожаловалась я. – Вон тот, в серой шапке. Остальные не трогали.

Это была шутка для Крейга, но, вместо ответного смешка, он неожиданно поманил к себе пальцем Демиурга.

И только сейчас до меня дошло, что Бешеный Крейг, возможно, понятия не имел, кто на самом деле находится среди угрюмых рыбаков. Да, парень бывал в Приюте, но вряд ли хоть раз поднимался в кабинет или вообще заходил в поместье.

Тролле дерьмо! Я умудрилась нарушить главный приказ Демиурга в первые же пять минут. Плохое начало...

– Иди-иди, – подгонял Крейг замешкавшегося мужчину. – Объяснять тебе буду, как ты был неправ.

– Не надо, – я попыталась схватить бойца за рукав, но тот ловко вывернулся. Поставил ногу на короткий столб, опёрся локтем о колено и снова гаркнул:

– Сюда подошёл!

В глазах рыбаков мелькнули одновременно страх и ненависть, но никто не предпринял попытки к сопротивлению или хотя бы диалогу.

Демиург молча перебрался на пирс, опустил глаза, словно и правда был виноват, и сразу сделался каким-то маленьким, прямо крохотным.

– Мы ништо, господин, – замямлил он. – И пальцем не тронули, потопаи меня Вейн! Мы грузы всегда в целости доставляем, знаете ведь... Да кто ж станет-то! – в мутных глазах читалась мольба. – Кто ж станет портить чужое добро – будь то выпивка или девка...

Я даже рот раскрыла от изумления – так убедительно создатель Ордена Крона играл роль напуганного мужика. Он ещё носом хлюпнул и сжался в комок, когда Бешеный Крейг навис над ним угрожающей тучей.

– Для тебя это не девка, а госпожа Горст! – боец с размаху пнул Демиурга в живот, и я дёрнулась вместе с ним. Неосознанно подалась ближе и хотела извиниться хотя бы взглядом, но согнувшийся пополам Демиург смотрел под ноги и хватал ртом воздух. Его напарники стыдливо отвернулись, делая вид, что ничего не произошло. Только смелая олуша зашумела крыльями, спрыгнула с торчащей балки и взмыла в воздух.

– Разгружайте, – приказал Бешеный Крейг притихшим рыбакам.

Моего «обидчика» он решил больше не наказывать, и я с облегчением выдохнула. «Простите», – прошептала одними губами, когда Демиург всё же глянул в мою сторону. Разобрать эмоцию не успела, потому что спешно двинулась вслед за Крейгом к широкой тропе между крутыми откосами.

Дорога на удивление была хорошая, расчищенная, протоптанная сапогами и копытами. И недолгая: вскоре мы спустились к военному поселению, подобно Понтону, расположившемуся прямо на пологих откосах и чуть плотнее – в неширокой низине. Потрёпанные шатры стояли близко друг к другу, плавая в тумане, как серые поплавки. Кое-где желтели пятна огня, тянуло костровым духом и запахом еды.

– Смотрите, идёт! – крикнули слева, и я вдруг остановилась. – Это наша Горст!

– Где Горст? – раздался совсем близко звонкий голос.

Я растерянно оглянулась: ко мне бежали люди, выплывали из тумана радостные лица – мужские, женские. Юнцы прикладывали кулак к груди, восславляя Квертинд, взрослые мужчины салютовали оружием. Даже старики – матёрые, тренированные, настоящие воины – почтительно склоняли головы. Пара краснощёких мальчуганов, ещё не парней, но уже повзрослому крепких, хором крикнула: «Горст!»

– Вы вся в мать, – схватила меня за руку пожилая женщина в шерстяном платке и с добродушной улыбкой смахнула слёзы: – Похожа. Похожа!

Я с сомнением улыбнулась ей и смущённо пожала тёплую ладонь, оторопев от такой встречи. Я не знала никого из этих людей и не сделала ничего, чтобы заслужить тёплый приём. Это что, тоже происки Демиурга? Побочное действие легенды о выжившей дочери Тезарии, освободительницы Квертинда от Иверийского гнёта?

– Но-но! – сквозь разрозненную толпу пробирался Тать, распахивая локтями зевак. – Ближе чтоб никто не подходил, ясно? – прикрикнул на людей, хватая меня в широкие объятия.

Одет он был, как заправский горец: в шапке с волчьим хвостом, обмотанный шкурами и подпоясанный ремнями с набором ножей. С нашей последней встречи Тать отпустил бороду,

что скрыла его уродство, но добавила возраста – казалось, мой нынешний охранник постарел на добрый десяток лет.

Огромные руки на короткую секунду обхватили меня и сразу же отпустили – Нард Татовский шикнул на хихикающих молодых бойцов, и те в ответ охотно расступились.

– Наша Горст! – объявил Тать во всеуслышание. Видимо, на случай, если ещё не все догадались.

Я моментально вспомнила недавние наставления Демиурга – вытянула повыше шею, демонстрируя чёрного паука, и шагнула твёрдо, как подобает генералу или кому-то из высших чинов.

– Горст! – охотно поддержала толпа, нестройно аплодируя и присвистывая.

Так мы и двинулись: я во главе, Тать и Бешеный Крейг – по обе стороны, а вокруг – настоящая армия изгоев, бурлящая каким-то фанатичным восторгом и непонятной мне радостью.

При ближайшем рассмотрении лагерь оказался укреплённым – шатры разбили вокруг деревни всего на несколько домов. От бревенчатых ворот топорщились пиками частоколы, темнели подмёрзшие рвы и, как положено, стояли караульные. При виде меня они тоже поменились в лице и приложили зажатый кулак к груди. Я одобрительно кивнула в ответ и даже пожелала лёгкой службы – уж не знаю, по какой такой внезапно возникшей покровительственности.

Чувствовать себя по-настоящему важной и ценной оказалось легко и даже приятно. В обстановке такой однозначной почтительности и бескрайней народной любви я без труда выполняла возложенную на меня роль: кивала, улыбалась и смотрела свысока. Ступала действительно твёрдо, насколько это было возможно на хрустящей гравием дороге.

Хоть местное укрепление едва насчитало бы несколько сотен бойцов, они были ближе всех к войне за свободу, за Квертинд и теперь даже наверняка – за Юну Горст. Я даже слегка загордилась, и пришлось приложить усилия, чтобы отогнать неуместную заносчивость.

Это была чужая, иная жизнь, будто, уехав из Кроуница, я попала в какой-то вымышленный далёкий мир, где меня почитали наравне с правителями и лидерами сопротивления. Или даже больше: Тать то и дело ревностно поглядывал в сторону командиров, безропотно кинувшихся мне навстречу. Они тоже поджидали у шатров в количестве пяти человек, но никто из них не был мне знаком.

Мелькнули тиали – зелёные, оранжевые, серые. Должно быть, магов в армии Ордена Крона, как и во всём Квертинде, ценили больше рядовых бойцов со сталью. Я пожалала всем руки, выслушивая представления, и почти на ощупь двинулась за Татем – мы свернули с насыпной дороги прямо в притоптанный снег.

На Гриффорде туман сгущался, тёк по земле, как парное молоко, и солдаты вокруг военных палаток казались призраками. Проходя вдоль ряда шатров, я вертела головой направо и налево, осматривая самый настоящий военный лагерь. В щелях входов мелькали жаровни и удивлённые лица, тут же выглядывающие из своих холстинных домов.

– Горст! – слышалось сквозь треск поленьев и хлопанье полотна.

Горели костры – блёклые огоньки под чёрными от нагара котелками, в которых бурлила крупа с кусками солонины. Я сглотнула слюну и вытянула шею так сильно, что в глазах забегали чёрные мушки. Даже не верилось, что Горст – это на самом деле я, а не придуманный герой из легенд.

Бешеный Крейг шёл впереди, расчищая дорогу и тоже вытягиваясь в струну – от важности своей охранной миссии. К нашему маленькому отряду то и дело пытались присоединиться, но Тать быстро отсылал желающих подальше. Сопровождающая толпа зевак тоже постепенно рассеялась – люди разошлись по своим делам, забились в палатки и редкие сколоченные домики.

– Общий барак, – указал Татовский на ветхое каменное строение с кособоким крыльцом и побитыми ступенями. – Для командиров и военачальников. Остальные – по-простому, в шатрах.

Он кивнул за спину, грозно зыркнул на подбежавшего мальчишку, и тот моментально ретировался.

– Сколько здесь человек? – я оглянулась на низенькие шпильки палаток, торчащие из туманного моря.

Нам вслед смотрели мужчины в наскоро накиннутых кафтанах и шинелях без опознавательных знаков, как в регулярной армии Квертинда. Даже перече́ркнутой короны не было видно.

– Около четырёхсот, – охотно ответил Тать. – В основном, солдаты, воины, но есть и простые мужики да их бабы. Мы здесь только обучаем бойцов, формируем в отряды и отправляем на полуостров Змеи, к месту битвы. Или куда скажут, – он почесал бороду. – Кому надо – деньжатами помогаем, чтобы могли семью прокормить, если осталась в Квертинде. Да и просто на расходы. У всех есть расходы, ясно?

– У всех, – подтвердила я и снова рассеянно огляделась.

Заметила стрельбище и одобрительно присвистнула: тренировочный полигон здесь был что надо. Добротные мишени, насыпи, крепкие брусья и глубокие рвы. Даже в академии такого не было – Джер и Фаренсис обычно гоняли боевых магов по лесному массиву, но студенты быстро нашли лазейки и лёгкие маршруты, так что особо не утруждались. Здесь же избежать нагрузки было невозможно – широкое поле просматривалось почти до самых откосов, и даже туман обходил это место стороной.

На утреннем поле сейчас были заметны только несколько ползающих по подмерзшей грязи солдат да нависший над ними командир, орущий не хуже олуши. Для тренировки людей было маловато, поэтому я решила, что бойцы чем-то провинились и теперь отработывают наказание.

Сзади закрипели колёса, послышался гвалт. В ворота въехали две гружёные телеги, запряжённые сильными капранами и охраняемые теми парнями, которые встречали меня на берегу. Ни рыбаков, ни Демиурга среди них не было, и я быстро потеряла интерес к разгрузке.

– Иди проверь, – приказал Тать Крейгу, и тот нехотя, но всё же двинулся к тюкам и бочкам, споро сгружаемым прямо на снег.

Я же с любопытством откинула полог ближайшей ко мне телеги и присвистнула ещё раз: боевые луки, мечи, топоры, колчаны с новым и прекрасным оперением – здесь скрывалось целое состояние! Полный арсенал магазина «ОружейНорм», только ещё новее и лучше, лежал ровными рядами в открытых ящиках и охранялся одним-единственным караульным. На оружейной стали блестела мелкая изморозь.

– Юна Горст, – хлопнул красным носом довольный солдат, нагло рассматривая мой знак соединения. – Будь свободен!

– Устанавливай правила, – произвольно отозвалась я, увлекшись ящиками. И запрыгнула прямо на телегу, отчего та качнулась. Меня привлёк странного вида лук – короткий, с особым механизмом взведения и спуска тетивы. Я схватила один экземпляр из ящика и взвесила на руке. Тяжёлый.

– Так это... – растерялся охранник боевого богатства. – Без особого допуска, сами знаете... Нельзя вам здесь...

Он умоляюще посмотрел на Татю и вновь перевёл взгляд на меня, застывшую с чудным оружием в руке.

– Это же Юна Горст, – возмущённо заметил Татовский. – Пусть осмотрится. Она за тем и приехала.

Парень вроде успокоился, но насупился. Спрятался за высоким воротом, наблюдая за моим изучением: не сопру ли чего у него из-под носа? А ему потом отвечать...

Воровать я, конечно, не собиралась. Хотя что-то мне подсказывало: надумай я выбрать себе оружие из этой тележки, никто против не будет. Может, даже обрадуются, что Юна Горст теперь ещё лучше вооружена.

Впрочем, сейчас моя персона мало интересовала местных – они окружили вторую повозку с продовольствием и закупоренными бочками. Судя по одобрительным возгласам, выпивка приезжала в лагерь нечасто. Я хмыкнула, схватила короткую и крепкую стрелу, попыталась вставить её в специальный паз. Покрутила так и этак, осваивая новый для себя вид оружия. «Я ревную», – сообщил Каас из-под накидки. Карнеум за спиной согласно промолчал.

– Арбалет, – вслух пояснил Тать, подперев спиной телегу. – Привезли из Тимберии. По точности превосходит даже Карнеум, но проигрывает в скорости. Зато обучение короткое: солдаты быстро осваивают такую стрельбу, не то что из лука, – он тоже схватил один образец, прицелился. – Мы заказали ещё увеличенные варианты для осадных машин и метания снарядов по площади.

– Думаете, сражения будут масштабными? – я всё-таки вернула арбалет на место и спрыгнула. Снежное облачко взметнулось и смешалось с туманом.

– А это не наше дело – думать, ясно? – оскалился Тать. – Наше дело понятное: бей врага, сражайся за свободу, умирай, если придётся. Думать до войны надо было. На полуострове Змеи сейчас так: коль приехал, будь любезен действовать, а не размышлять.

Я отряхнула ладони, поправила кожух с Каасом на бедре, чтобы не обижался, и снова взглянула на тренировочное поле, где крепкие мужские тела разгоняли туман.

– Ты поведёшь этих парней в Астраи? – я кивнула на бойцов, что взбирались по тросам на высокую стену. Парни пыхтели от натуги, но приободрились, заметив меня.

А я снова смутилась. Почему все так радуются при моём появлении? Как я могла помочь этим людям? Что я могла им дать, кроме надежды? Живым, дышащим, с идеями и планами? Они горели свободой, светились изнутри в промозглом военном лагере. Лучшая жизнь была им как маяк, как путеводная звезда, а я казалась олицетворением этой жизни. Как будто один мой вид обещал спасение и победу.

Тать помолчал немного, словно думал о чём-то подобном. Достал свой портсигар с табачными пластинами. Закинул одну в рот, пожевал.

– Я из Кроуница не выезжаю, ясно? – сказал он строго, но с обидой. – Тут пока нужен, за парнями досматривать. Да и за улицами города – тоже. За всем догляд нужен. Один я знаю, кто как послужить Ордену может. Рано мне помирать пока.

«То есть, вы их всех на смерть отсылаете?» – хотела спросить я, но за шатром послышался стук копыт и мы развернулись.

– Юна Горст, – невысокий мужичок в тулупе и с торчащими красными ушами спрыгнул с капрана, резво схватил мою руку, затряс. – Приятно. Я – Проней, смотритель местный.

Не успела я ответить, как он быстро увлёк меня за собой в сторону центра поселения. Тать недовольно напрягся, но зашагал следом без предупреждений и угроз.

Толпа вокруг выпивки ненадолго отвлеклась на нас, выкрикнула короткие приветствия, задержала на мне взгляды и вновь с шумом и смехом принялась разгружать хмельной подарок ко Дню Династии.

Мы прошли мимо булыжных заборов, над которыми возвышалась единственная здесь башенка. Низенькая, с одним окошком у самого потолка и зубчатым фронтоном. Святилище Крона, догадалась я. И сразу же нашла подтверждение, когда Проней коротко поклонился закрытому зданию и похрустел по снегу дальше – к погосту с рядом покосившихся виселиц. Знакомо пахнуло амброй.

– Это сейчас по-новому Гриффорд, – рассказывал он на ходу, когда мы миновали башню. – А раньше знаешь, как остров звали? Вдовый плач. Ещё раньше тут висельня была. Смертников Квертинд не кормил в Зандагате, как теперь, а вешал прямо по приговору.

Верёвки полностью сгнили, лишь кое-где всё ещё заворачивались в смертельные петли. Я поёжилась – то ли от холода, то ли от жутковатого местечка. Поплотнее запахла полы накидки и накинула капюшон, решив, что достаточно покрасовалась в лучах славы.

– Тогда всего и делов было – могилки знай себе копай да висельников скидывай, – он остановился перевести дух у крепкого колодца. Хлебнул воды прямо из черпака, фыркнул. – А теперь овчарня здесь, склады, поставки муки и продовольствия, караульные – всё на мне. Командиры знаете как жрут? И спать на пуховых перинах любят, солома не по их спинам, чтоб их кряхтом падучим скрючило. Пить хотите?

Я не отказалась. Колодезная вода оказалась сладкой и бодрящей. Желудок заурчал, напоминая о том, что завтрак случился давно, а время уже настало обеденное. Пока пила, успела оценить замысел Демиурга: спрятать армию на острове висельников, куда никто в здравом рассудке не сунется, было просто и гениально.

– Так я и говорю, – продолжил отчёт смотритель, принимая из моих рук черпак. – Мне бы в помощь кого посмышлёнее, чтоб сподручнее было. Да хоть бы и Татя!

– Не заговаривайся, Проней, – огрызнулся Тать. – У меня дел в Кроунице – во! – он постучал краем ладони по горлу. – Некогда мне тут с вами хозяйство вести, ясно?

– Ясно, – несогласно согласился Проней, тихонько взял меня за локоть, отвёл в сторону и зашептал: – Я человек занятой, по всему получается, не просто сторож, а кастелян крепости. А жалование скудное, всего тысяча лирн за седмицу. Куда это годится?

– Тысяча лирн? – удивилась я огромной сумме.

И попыталась найти крепость среди низеньких домов под снежными шапками. Из строений тут был только тот самый общий барак для командиров, святилище да пара пыхающих дымоходом изб.

– Вот и я говорю – никуда не годится, – по-своему рассудил смотритель. – Вы уж там поговорите с господином, как вы это умеете, – он запнулся, воровато огляделся. – Как-нибудь убедительно, чтобы Пронею жалование вдвое увеличили, а я уж позабочусь тут, чтобы Юна Горст стала ещё популярнее.

– Куда уж популярнее, – сорвалось с языка, хотя ответ вышел неразумный.

Надо было ответить что-то про господина Демиурга, ведь речь шла именно о нём. Только вот насколько смотритель был с ним знаком? Знал ли о его существовании? Демиург лично ему платил, или Проней, как и все, просто верил в легенду о великом создателе Ордене Крона? Согласиться, отказаться или промолчать?

– Лапы-то убери, ловчила ты языкатый, – вовремя пришёл на помощь Тать. – Я с тебя глаз не спускаю, ясно? Ты кормить нас будешь, или водичкой попоил – и хватит?

– А как же! – снова деловито зашаркал довольный собой Проней. Подошёл к новой избе, постучал валенками о порог. – Пожалуйте сюда, в тепло и гостеприятие Гриффорда!

Уговаривать меня не пришлось – я резво юркнула в открытую дверь, подальше от восторженно-любопытных взглядов. Всё-таки Демиург постарался на славу и Юна Горст на Гриффорде оказалась чем-то вроде святилища Крона – того и гляди начнут кланяться и возносить молитвы.

В тепле и гостеприютии избы оказалось довольнолюдно. Настолько, что меня даже не сразу заметили и я успела спокойно оглядеться. Обстановка была простой, но опрятной. Стены прикрыты узорчатыми одеялами, стылый пол устлала ковры, люстра и канделябры с десятком новых свечей прекрасно высвечивали собравшихся.

Грубый, но добротный стол стоял ровно посередине и вместо скатерти был накрыт картой, над которой склонились четверо – мы явно пришли в разгар собрания или военного совета.

В двоих я сразу признала тех самых командиров, встречавших меня у ворот. И устыдилась, поскольку имен в суматохе не запомнила, да и внешне мужчины были под стать друг другу – невысокие, коренастые, с лицами, лишёнными всякого выражения, привыкшими скрывать чувства. Даже сейчас на них застыли равнодушные мины, словно предстоящая война не волновала военачальников Ордена.

Третий походил на старика и юнца одновременно – мужчина как будто был без возраста, сутулый и остроносый. Он обгладывал утиное крыло и то и дело тыкал жирными пальцами в край карты, упрямо что-то доказывая.

Четвёртой была женщина. Крепко сложенная, статная, с нахмуренными бровями и выдающимся подбородком – она сразу же напомнила мне магистра Калькут в не самом благостном настроении, а тиаль Девейны на мощной груди окончательно убедил в сходстве. Женщина упёрлась мощными кулаками в столешницу и недовольно смотрела на соратников. Белый тиаль угрожающе покачивался над картой, как встревоженный маятник.

Остальные – солдаты, оруженосцы, прислужники – толпились вокруг, суетились над выстроенными вдоль стен тумбами, таскали из кухонки исходящие паром блюда. Бряцало оружие, шептались поварята, трещали свечи и шаркали сапоги.

В стороне, под запотевшим окошком, изумительно пахли запечённый с клюквой гусь, золотистые бараньи ножки, россыпь разносолов и сдобные пироги. Я сглотнула слюну и шарахнулась в сторону от подошедшей девки с серебряным чайником. Она чуть не проткнула меня длинным почерневшим носиком.

– Умываться извольте, – поклонилась прислужница под моим недоверчивым взглядом.

Поклон вышел так себе, но я сама вряд ли исполнила бы его лучше, поэтому служанку простила. Нагнулась над тазом, подставила руки под струю тёплой воды, пока Тать по очереди здоровался со всеми присутствующими.

– Юна Горст, – гордо представил Татовский, подталкивая меня ближе к собранию, и почти рывком содрал тёплую накидку.

Я мгновенно почувствовала себя голой под внимательными взглядами, хотя жилет и сорочка всё ещё были на мне, да и брюки никуда не делись. Но десятки пар глаз будто разрывали меня на лоскуты, а внезапная тишина резанула уши похлеще звенящего визга. Захотелось сжаться в комок, опустить глаза и стать крохотной, незаметной, как недавно Демиург, но вместо этого я вытянулась в струнку, радушно улыбнулась и... всё-таки накрыла ладонью знак соединения по своей любимой привычке. Рельеф паучьих лап, как всегда, успокоил и придал уверенности.

– Рады приветствовать вас в нашем скромном штабе, Юна Горст, – первым расплылся в улыбке мужичок без возраста, обтёр пальцы о кафтан и протянул мне руку: – Я Лонтерей Бродзен, генерал-фортификатор армии Ордена Крона.

Пальцы его оказались цепкими, а рукопожатие – уверенным и бодрым.

– Метрий Билик, – по-военному скупно выпалил один из командиров, потрясая в свою очередь мою ладонь. – Командующий третьего кроуницкого полка армии Ордена Крона. Мой помощник, – он по-свойски хлопнул по плечу соседа. – Керин Билик, кровный брат и заместитель.

– Добро пожаловать на Грифффорд, – слюбезничал Керин, обнажая ровный ряд зубов.

Младший Билик вряд ли был намного старше Лонима. Парень одёрнул синий щегольской кафтан, стукнул каблуками. Юркий, с ловкостью отличного лучника и открытой располагающей улыбкой, он был единственным, чья радость от встречи со мной казалась действительно искренней.

Его старший брат сдвинул брови и устало надул щёки. По мрачному виду командующего можно было догадаться, что Юна Горст стала ещё одной досадной проблемой в довесок к уже существующим.

– Мелира, – недовольно представилась женщина, уперев руки в бока. – Работник тыла.

В отличие от братьев Биликов, она не только не явила радости или растерянной досады, а уставилась с откровенной злобой и возмущением – от такого приёма челюсти сжались сами собой и в животе противно заурчало.

– Мелира – как королева? – я обхватила себя руками, пытаюсь унять громкий рёв желудка. Тиаль с песком стыдливо сунула под жилет и отругала себя за неуместный вопрос. Наверняка эту фразу женщины с таким именем слышат в первую очередь при знакомстве в Квертинде.

– Не смейте меня сравнивать с лживой королевой, предавшей бога-создателя! – рявкнула Мелира и молитвенно сложила руки, будто удерживая саму себя от приступа гнева. Тяжёлый подбородок навис над ладонями, горящими белой магией. – Королевство обмана и лицемерия, – забубнила работник тыла. – Извратили величайшую из магий, предали божественный дар. Не успели извести одних тиранов, как к власти уже рвётся самый жестокий приспешник Толмунда. Но Крон придёт спасти всех, кого проклял Иверийский Квертинд!

Фортификатор Лонтерей икнул, командир и заместитель отвели глаза, а остальные никак не отреагировали – просто продолжили заниматься своими делами. Видимо, такая эмоциональность Мелиры была в порядке вещей.

– У вас сестра в Кроуницкой академии есть? – снова не удержалась я от глупого вопроса.

В ответ получила ещё один гневный взгляд и прикусила язык. Опустила глаза на карту Квертинда, придавленную стаканами с выпивкой.

– Мне ещё родственных связей среди врагов не хватало! – заворчала женщина. – Достаточно того, что приходится развлекать заезжих разгильдяек в последние дни перед отправкой армии.

– Мелира, – мягко тронул её за руку Лонтерей. – Юна Горст нужна Ордену.

Мелира явно хотела снова возмутиться, но закрыла рот и отвернулась. Зашептала молитвы – то ли Девейне, то ли Крону. А я воспользовалась паузой, чтобы тщательно обдумать ответ.

Завоевать реальное уважение армии изгоев оказалось сложнее, чем своей банды или даже академии. Если судить по первому визиту в Приют, знакомство с руководством Ордена Крона у меня как-то не ладилось. Теперь я тоже была частью организации, причём, если судить по отношению солдат и наёмников, немаловажной. Но те, кто стоял во главе, относились к символу сопротивления в моём лице с недоверием.

– Не хотелось бы вам мешать, – попыталась оправдаться я, всё ещё разглядывая карту. Яркие фигурки окружали полуостров Змеи, как игрушки для мальчишек. – Но у меня есть своя задача: вникнуть в план боевых действий и разделить борьбу за Свободный Квертинд со всеми, кто предан Ордену Крона и создателю.

Командующий Билик прочистил горло, Мелира фыркнула, а Лонтерей наградил меня долгим и непонятным взглядом. Один Керин хохотнул, будто обрадовался моей маленькой победе.

Опираться на связь с Демиургом было слишком нагло, но они не оставили мне выбора. К тому же под создателем вполне мог подразумеваться и сам Крон. Двусмысленность вышла довольно однозначной, хоть и нахальной, и я осталась собой довольна. Демиург бы одобрил.

Рядом запыхтел Тать, вручая мне вишнёвый бренди. Очень кстати, потому что от духоты и неловкости во рту пересохло. Моя сегодняшняя нянька в виде обезображенного охранника явила трогательную заботу: Татовский раздобыл кусок пирога с капустой и варёными яйцами, истекающее жиром рёбрышко, увесистый ломоть сыра и россыпь мелких помидоров. Всё это богатство кучкой громоздилось на глиняной тарелке, бесцеремонно поставленной прямо поверх географических рельефов Иверийского престольного округа – ровно по центру карты.

– Что? – скорчил грозную рожу Нард Татовский в ответ на возмущённое цоканье. – В Свободном Квертинде никого не морят голодом.

Военный совет замешкался и притих. Потянуло холодом – в избу заглянула деловитая морда Пронея, окинула всех придирчивым взглядом и удовлетворённо скрылась.

– Во имя Свободного Квертинда! – прервал затянувшуюся неловкость Керин Билик и поднял один из стаканов, призывая собравшихся сделать то же самое. – Во имя Ордена Крона!

– Во имя Свободного Квертинда! – охотно поддержал его брат.

– За свободных квертиндцев! – выпалила я и сделала крохотный глоток.

В избе зашумели, заорали лозунги. Тать гаркнул в такт, выпил. Мелира промолчала, но к восславлению присоединилась – тоже подняла стакан и осушила его одним махом.

От крепкого напитка во рту остался горько-ягодный вкус, а желудок свело судорогой.

Да к Толмунду этот этикет! Я закашлялась и сразу же принялась уплетать еду, пододвинув тарелку ближе к восточной границе. Западная была сплошь заставлена солдатами, укреплениями, осадными башнями и требушетами.

– Верес, – прохрипел Керин, жмурясь от крепости напитка. – Вот здесь, – парень ткнул пальцем в левую часть карты. – Крупный промышленный город на полуострове Змеи.

Я подалась ближе, раскусывая мелкий помидор. Мне понравилось, что младший Билик сразу перешёл к делу, а не стал и дальше выказывать сомнения в уместности моего присутствия. Я буквально вцепилась взглядом в Верес, демонстрируя свою заинтересованность. Жирная точка города ютилась между низеньких гор полуострова, чуть западнее Астраи́та, ближе к бескрайнему Данужскому лесу – границе с Таххарией-хан.

– Там добывают руду, – я выудила из памяти что-то с занятий Гремора Айро. Как назло, больше половины их в прошлом году я проспала, поэтому о Вересе помнила немного. Но вместо самоукура отгрызла кусок сыра и с аппетитом зажевала.

– Город плавки металла и кузней, – вроде бы подтвердил мои слова Керин, потряхнув длинной чёлкой. – Богат залежами руды. Снабжает армию Квертинда вооружением, отправляет заготовки для строительства фрегатов и занимается разработкой новых видов оружия.

– Это будет наше первое масштабное сражение, – пояснил командир Метрий Билик. Он снова наполнил стакан и выпил уже без церемоний. – Верес охраняется регулярной армией в составе тысячи человек, из которых не меньше двух сотен – боевые маги.

– Четыре сотни против тысячи? – быстро прикинула я и даже жевать перестала, но от комментариев о безрассудстве воздержалась.

– Наша основная армия стоит здесь, – включился в беседу Лонтерей, обозначая место стоянки пустым стаканом. – Третий кроуницкий полк станет последним пополнением перед битвой. Мы собираемся покинуть Кроуниц через четыре дня. Общий сбор начнётся в третий день от праздника Династии, чтобы народ успел отгулять и получить должный настрой. К сто пятнадцатому дню загрузимся в бриги – фрегаты будут слишком заметны с пристани, а внимание привлекать ни к чему.

– Хотите перевезти людей под видом торгового каравана, – одобряюще кивнула я.

Нард Татовский проскрипел стулом по полу, устраиваясь поудобнее. Щёлкнул крышкой портсигара и довольно зажмурился, как сытый кот. Керин Билик потянулся, было к нему с просьбой, но под взглядом старшего брата стушевался.

– С армией соединимся в Вересовом конце, вот здесь, – командующий сдвинул фигурку вдоль реки. – Встанем лагерем и к утру уже возьмём Верес – тихо, быстро и без суеты. В отсутствие Кирмоса лин де Блайта разведка на полуострове Змеи работает из рук вон плохо, оттого мы сумели собрать трёхтысячное войско в разливе реки Татания. Квертинд и генерал лин де Голли не успеют перекинуть людей для защиты за такой короткий срок. Верес слишком далеко от Астраи́та, а местность на полуострове болотистая, трудная. Когда основные силы с боевыми магами подтянутся к Вересу, от города останутся только горы пепла.

– Неудобное положение для форсирования высоты, – заспорил Лонтерей. – Если из консульства появятся стяжатели, хотя бы пара десятков, бой будет жестоким, а победа – не такой однозначной.

– Эффект неожиданности! – ослотивший Метрий Билик стукнул кулаком по столу, отчего фигурки подпрыгнули. – Мы потратили столько времени, чтобы добиться этого преимущества, и не можем и дальше копить силы. Когда вернется Чёрный Консул, он первым делом проверит свою территорию, и уже тогда бой придётся принимать нам. Всего полгода, Лонтерей! – командующий почесал покрасневший глаз. – Осталось полгода до его коронации. К этому времени нужно лишить Квертинд хотя бы Вереса! Сейчас идеальный момент для нападения.

– Зачем вам сжигать Верес? – просто спросила я.

Без знания военного дела и стратегии мне было трудно поддерживать беседу, но я не стала стесняться глупых вопросов. Если уж мне суждено играть роль любовницы Демиурга, то надо хотя бы пользоваться положением. Ведь единственный способ стать настоящей частью Ордена – разобраться в его планах.

– Неужели не проще его захватить? – продолжила я свою мысль. – Если он так ценен для вооружения, то нам оно тоже пригодится.

Пауза была предсказуемой, но я выдержала её стойко – оглядела всех по очереди, ожидая если не отчёта, то хотя бы пояснения.

– Так поехали с нами в Астраи, – насмешливо предложила Мелира. – Ты же ценный для Ордена символ, вот и поможешь удержать Верес! Или ты только умные советы даёшь?

– Я пока нужна в Кроунице, – я покосилась на Татя, но он в беседу не вступал – решил, что в обеспечение безопасности не входит защита Юны Горст от нападков вздорной бабы.

– Чем ты лучше Иверийских прихвостней? – засопела женщина. – Отсиживаешься за спинами солдат! Ты хоть раз видела настоящий бой, когда все вокруг превращаются в мясников? Закрывала глаза умирающему от ран? Что ты сама сделала для Ордена? Кроме того, что... – она отвела взгляд. Налила себе выпить, утёрла нос рукавом и что-то сердито пробормотала.

«Кроме того, что согрела постель Демиургу», – продолжил за неё Каас, возжелавший испробовать крови Мелиры. Само собой, ему в этом желании было отказано.

– Обещаю, что присоединюсь к битве, – ровно проговорила я, стараясь не выдавать эмоций. – Как боевой маг и как воин. Поведу войска Ордена Крона в бой, если мне не удастся убить Чёрного Консула до его коронации. Но пока я нужна живой.

– Мы бы не посмели просить тебя сопровождать полк на полуостров Змеи, – строго сказал Метрий Билик больше для Мелиры, чем для меня. – Эту задачу поручили нам, и мы с ней справимся.

– Я хочу отправиться с вами, – уверенно заявила я. Хмель немного разгорячил кровь и развязал язык. – Биться плечом к плечу с бойцами и теми, кого, как и меня, проклял Иверийский Квертинд. Во имя Крона и свободы. Во имя моей матери, чьё имя опорочили, – я сделала ещё один обжигающий глоток. – Но принесу больше пользы, если останусь в Кроунице. Вместо одного бойца вы получите сотни!

Речь вышла убедительной и горячее. Я решительно нахмурила брови, но, по правде говоря, сама себе не верила. Какой пример Юна Горст подавала бойцам Ордена, избегая битв? Я должна была идти впереди армии со знаменем перечёркнутой короны, а не развлекать избалованную знать на маскараде. Моё место – среди солдат, в пекле сражения. Всё, от самого точного лука до четвёртого порядка боевой магии, говорило о том, что я окажусь ценной единицей на поле боя.

– Так почему бы не взять Верес для нужд Ордена? – повторила я свой вопрос для притихшего совета. – Вместо того чтобы выпрашивать оружие у богатеев, мы можем завоевать его силой!

Я опрокинула стакан в горло и по очереди оглядела каждого, практически требуя ответа. Так-то! Юна Горст больше не наивная овечка. Те, кто пытаются её запугать и поставить на место, получают жесткий ответ. И плевать на звания, авторитеты и регалии!

– Потому что мы – мятежники, – мягко напомнил Лонтерей, чуть ли не по слогам выговаривая каждое слово. – Пятнадцать лет назад Орден Крона уже воевал с Квертиндом. Это была кровопролитная гражданская война, в которой мы проиграли. Тогда королевство было ослаблено и ошарашено смертью правителей, поэтому восстание могло закончиться удачей. Армия была дезориентирована, а стяжатели оплакивали Мирасполя, без которого в ложе не принималось ни одно решение. С гибелью главнокомандующего весь боевой состав Квертинда превратился в стадо баранов. Мы дошли почти до самого Лангсорда и взяли бы его.

– Если бы не военный гений Кирмоса лин де Блайта, провалиться ему в пекло! – зло хмыкнул командующий Билик. – Подонок шёл за нами по пятам и отгрызал по куску от Ордена. Лично истязал пленных кровавой магией и сдирал кожу с ещё живых братьев на площадях отвоёванных городов. Он оставлял людей умирать на глазах у всех. В назидание.

Мелира возмущённо запыхтела и с явным превосходством глянула на Татя. Недовольная женщина нашла себе новую цель – хотела обвинить Татовского в том, что глупая девчонка заставляет совет озвучивать очевидные вещи. Или в том, что Чёрный Консул всё ещё жив. Или во всех грехах человечества сразу.

Тать оскалился и едва слышно рыкнул в ответ. Клацнул челюстями, закидывая новую порцию табака. Мне бы не помешало его нахальство, потому что моё собственное вмиг улетучилось вместе с ясностью мысли.

– Чёрный Консул – посланник самого Толмунда, – задумчиво вставил Керин, но сразу же подобрался и вскинул подбородок: – Так говорили солдаты на привалах, я сам слышал! Хоть брат и гонял меня подальше от лагерных сборищ.

– Из наших дезертиров можно было бы сложить плот через всё Мариисское море! – разошёлся Метрий Билик. Цветом он напоминал помидор, оставшийся на моей тарелке. – Трусливые псы! Дрожащие твари!

Мужчина сжал мясистые кулаки, схватил пустой кувшин и рявкнул на прислужников от досады. Юркий мальчонка мигом поднёс новую выпивку, но всё равно получил тычок от командира. Я потёрла лоб, будто и мне достался унижительный щелчок.

– Мы не удержим Верес, – резюмировал Лонтерей, дождавшись, когда командующий займётся очередным стаканом. – У нас не хватит людей, оружия и опыта, чтобы противостоять объединённой армии Квертинда, когда она явится на место мятежа. Нападение на город – только попытка ослабить военную мощь королевства и заявление о том, что мы не сдаёмся.

Весьма очевидная вещь. Можно было бы понять это до того, как предлагать совету откровенные глупости. Рановато я возомнила себя руководителем.

От стыда кончики ушей покраснели, а сорочка прилипла к спине. Духота моментально показалась невыносимой: моя недавняя горячность буквально сгустилась вокруг, и дышать стало тяжелее. Захотелось последовать примеру командира – опрокинуть ещё стаканчик, но мне предстоял путь домой, так что от соблазнительной идеи я отказалась.

– А если вы не возьмёте Верес? – уже тихо спросила я, боясь поднять глаза на командующего.

Почему-то город кузней представился маленьким Кроуницем – серым, каменным, хмурым. При мысли о том, что там живут люди, простые квертиндцы, меня передёрнуло. От самой себя. Ещё пару минут назад нападение представлялось мне игрой в стратегию, в деревянные фигурки на карте. Орден Крона против Квертинда и наследия Иверийской династии. Даже её я проиграла, но на деле всё было куда страшнее: эта война переломит чьи-то жизни, лишит людей крова и работы, разрушит семьи и судьбы.

Я почти увидела свет, что льётся сквозь две ладони – мою и Джера. Свет от далёких праздничных огней Кроуница, свет мирной жизни и благополучия, на который я покушалась прямо сейчас.

– Победа у меня – вот здесь, – показал кулак опьяневший Метрий Билик, и я мгновенно вернулась в реальность. – Мы установим свои правила и освободим Квертинд от гнёта! Именем Ордена Крона!

Он икнул, и брат осторожно придержал его за локоть.

– Не смей ляпнуть такое при солдатах! – прошипела Мелира.

– После битвы армия отойдёт в Данужский лес, – дал самый внятный ответ фортификатор Лонтерей, скорее, по привычке передвигая фигурки на карте. – Независимо от исхода. Это нейтральная территория и граница с Таххарией-хан, армия Квертинда не посмеет сунуться туда без дипломатической договорённости. Так что преследование маловероятно.

«Там поместится целая армия?» – хотела спросить я, но спину лизнул ледяной сквозняк и на пороге снова возник Проней.

– Приехал, – важно сообщил смотритель.

– Ну наконец-то! – впервые за всю встречу обрадовалась Мелира, поднимаясь.

– Будь свободен! – разошёлся Метрий Билик. – Устанавливай правила!

Он пошатнулся и едва не упал при попытке передвижения. Благо, Керин подхватил брата и помог поймать равновесие.

Люди вокруг забежали, засуетились, принялись накидывать тулупы и телогрейки, разбирать валенки. Суматошный шум, словно по щелчку, прервал собрание и выгнал народ на улицу.

Генерал Лонтерей потерял всякий интерес к карте и сунул руки в шинель, поданную ему мальчишкой-прислужником.

– Кто приехал? – схватила я за рукав Татя, который тоже двинулся к выходу.

– Стязатель, – лицо бойца перекосило ещё сильнее, будто он съел кислятину. – Шор Лормонт. Привёз новости из ложи.

Теперь и я поморщилась. Стязателя из Ордена Крона мне доводилось знать лишь одного, и воспоминание о нём больно царапнуло изнутри. Каас... Мой родной, доверчивый и мёртвый Каас.

Изба стремительно пустела, но, вместо того чтобы ринуться за толпой, я отступила вглубь. Достала кинжал, поймала своё отражение, провела пальцем по гравировке.

Вдруг этот Шор Лормонт близко знал Кааса? Или был его другом? А что, если он знает, что это я выпустила стрелу в висок под рыжей шевелюрой?

Нет, быть того не может. Я зажмурилась и глотнула посвежевшего воздуха. Во рту стоял сладковатый вишнёвый привкус, и горло драло так, будто в него сыпанули песка. От бренди кружилась голова, а в ней – бредовые мысли.

Конечно, Шор Лормонт не представляет угрозы. Вряд ли он будет страшнее Мелиры-Калькут с её брезгливой нетерпимостью, а к подобному я давно привыкла.

Но, в любом случае, знакомиться со стязателем не было никакого желания. От этих ребят за версту разило властью и неприятностями. Предатель ложи был на стороне Ордена Крона, а значит – на моей, но от одной мысли о бордовых перчатках с блестящими коронами закрадывалась идея о незаметном побеге. Наверное, я боялась напоминания о Каасе. Или просто ревновала внимание орденцев.

Я схватила очередное рёбрышко с тарелки и впиалась зубами в сочное мясо. Присела на освободившийся стул.

Самое лучшее решение – восстановить силы. Бессонная ночь и выпивка не лучшим образом сказывались на сообразительности.

Тать вышел, и в избе остались только пара служек, косо поглядывающих в мою сторону. Из открытой двери веяло сыростью и туманом, в ярком свете канделябров казавшимся голубо-

ватым маревом. На улице гудели, славили Свободный Квертинд и Орден Крона – должно быть, праздничная радость придавала особого, лихого настроения, когда ждёшь перемен к лучшему и чувствуешь единение с толпой.

Я тяжело вздохнула, схватила накидку и всё-таки вышла – не столько встречать стязателя, сколько сообщить Татю, что готова отбыть в Кроуниц. Повторять свой неудавшийся подвиг на военном совете я не собиралась, как и вмешиваться в дальнейшую подготовку армии. От еды и духоты меня разморило. Глаза просто слипались, а мозг и вовсе взялся густым студнем, требуя отдыха и покоя.

Сумерки на улице только-только подёрнули синевой туманную серость, и это означало, что в академию я вернусь к ночи – как раз, чтобы выспаться перед завтрашним праздником. От осознания того, сколько проблем на меня свалилось из-за подготовки к торжеству, я едва не откусила кусок уже почти голой косточки. Зашипела, ощупав чудом уцелевший зуб, и решила перенести решение завтрашних проблем на завтра, а прямо сейчас всё-таки оценить нового гостя Гриффорда.

Издалека Шор Лормонт выглядел рослым, крепким парнем – раза в полтора больше Кааса. Стязатель даже не потрудился переодеться или прикинуться кем-то другим – так и приехал в форме карающего служителя Квертинда. Он не улыбался и не любезничал – раздавал короткие, злые указания, на обращения реагировал редко и с раздражением. Но Татю пожал руку, сверкнув неизменной перчаткой, и даже вроде бы уважительно кивнул. Как и Лонтерею, кинувшемуся с распросами, едва Лормонт спрыгнул с капрана.

Следовало представиться, выдержать наверняка холодное пренебрежение стязателя и сразу же вежливо попрощаться – свою роль ходячего знамени на Гриффорде я отыграла, местами даже переусердствовала и теперь больше всего хотела оказаться подальше от места своего триумфа и позора одновременно.

Я похлопала по карманам накидки, по привычке проверяя, не умыкнули ли моё скромное богатство в избе, устало надула щёки и хотела было выкинуть косточку, которая едва не стоила мне зуба, но заметила юркого щенка возле кладки дров. Крохотный, с мелким хвостиком-крючком, то и дело дёргающимся от нетерпения, он был типичным местным представителем – так же доверчиво и влюблённо смотрел на знаменитую Юну Горст.

– Ну ладно, – сдалась я щенячьему напору и двинулась в его сторону, отчего тот закружился в радостном вихре. – Держи, приятель.

Я сунула ему под нос остатки своего позднего обеда, и благодарный собачонок захрустел косточкой. От восторга он даже подпрыгивал задними лапами, а я с удовольствием потрепала его за ухо – холодные пальцы согрелись от живого тепла. Шёрстка щенка оказалась гладкой и ласковой, а любопытный нос то и дело тыкался мне в ладонь, отчего я рассмеялась. Эта компания была лучше общества стязателя и грубой Мелиры, что хотели сожрать меня так же, как мы с пёсиком эту несчастную кость – не оставив даже кусочка.

Отчего-то вспомнился арахнокот, и улыбка немного померкла. К тому же я представила себя со стороны – девчонка, играющая со щенком, совсем как ребёнок. Такая не годится в качестве примера яростного борца с судьбой и принуждениями. Такую война переломит в первой же битве.

Здесь, между двух заснеженных изб, вдали от внимательной толпы, я на секунду пожалела себя. В моём мире всё было окутано лишениями и борьбой. Время шло, а жизнь становилась злее, требовательнее и хуже. Ничего и никогда не доставалось мне просто так – без условий и сражений. Каждую кроху счастья приходилось выгрызать, вырывать у лап яростной судьбы. Одолело такое чувство, будто я во всём мире лишняя, что мне нет места ни в Ордене Крона, ни в академии, ни даже рядом со своим ментором.

Я решительно поднялась. Морозный воздух охлаждал разгоряченную кожу, вишневый привкус так и висел на языке, вдобавок сумерки почти лишили зрения, и без того размытого хмелем.

За поворотом у входа в избу застучали сапоги, загалдели – видимо, стяжателя Шора Лор-монта тоже привели в гостеприютие Гриффорда. Я выглянула из-за высокой кладки дров и нашла глазами Татя. Он озадаченно озирался в поисках меня. Это было кстати: пора выбираться с этого острова. Но мне оставалось пережить ещё одно глупое представление.

– Береги себя, ладно? – снова развернулась я к щенку и погладила его на прощание. А потом направилась к толпе, и в этот момент взгляд сам собой зацепился за солдата в дальнем конце Гриффорда.

У самого лагеря между двух палаток стоял человек – один из туманных призраков. Зловещий образ темнел в клубах белёсого марева, словно был выткан из тени. Человек-тень не шёл навстречу, не выкрикивал «Горст», не махал рукой и вообще не делал попыток как-то со мной пообщаться. Мимо него мелькали люди – такие же неясные образы, выплывающие из кроуницкого тумана и растворяющиеся бесследно, но призрак стоял неподвижно. Под глухим капюшоном не было заметно лица, но я могла поручиться, что он смотрит прямо на меня – по затылку побежали мурашки.

Я вдруг поняла, что жутко замёрзла, и обхватила себя руками. Что за театральная таинственность? Может, господин Демиург решил самолично проверить, не растерзали ли Юну Горст почитатели во славу Свободного Квертинда? Или всё-таки... этот призрак – Чёрный Консул?

На этот раз меня не захлестнул ни страх, ни азарт, ни ярость. Только какая-то обреченная усталость. Не сводя взгляда с силуэта, чтобы не потерять его из виду, я двинулась прямо на него. Кирмос лин де Блайт? Наплевать. На этот раз Джера рядом не было, а бесконечные загадки уже сидели в печёнках. Хочешь убить меня – так убей, только прекрати запугивать! Это больше не работает.

Человек двинулся прочь, но медленно, словно хотел, чтобы я видела его. Заманивал? Может быть.

Я ускорила шаг, почти побежала, когда призрак свернул за одну из дальних палаток. Особо не рассчитывала на благополучный исход погони: с каждым шагом крепла уверенность в том, что за серым шатром я не обнаружу никого, что наваждение растворится в тумане или тени, как делало много раз до этого, а мне останутся только задумчивость и сомнения в собственном благоразумии.

И сдавленно вскрикнула, когда с разбегу наткнулась на вполне живой и твёрдый силуэт реального человека. Он мягко удержал меня от падения и отошёл ещё дальше – к заснеженному подножью. Здесь лагерь заканчивался и сосны угрожающе нависали с высоты скального откоса.

– Ты! – я вытащила Кааса, мгновенно приладив его на ладони для броска. – Оживший кошмар из моих снов!

От эмоций правда вырвалась сама собой – я просто озвучила то, что уже давно было у меня на уме. Захотелось немедленно метнуть кинжал, но любопытство всё же пересилило и я помедлила, позволяя врагу сориентироваться.

– Тише, Юна, тише, – шикнул на меня человек, скидывая капюшон.

Я ожидала увидеть кого угодно, но захлебнулась словами и оскорблениями. Глотнула воздуха, отшатнулась, попятилась – и почти упёрлась спиной в брезентовый полог.

– Шенгу лин де Сторн?! – я неверяще уставилась на генерала, который когда-то пытался подставить Джера. – Вы же... сбежали из Ордена! И от Квертинда! Вы теперь изгой для всех!

Каждая мышца горела от напряжения, но я не собиралась расслабляться. Неизвестно, кем теперь этот человек был для меня – другом или врагом. Я покрепче перехватила бордовую рукоять и оценила расстояние для броска.

– Юна! – послышался рёв Татя где-то вдали.

Между палаток снова промелькнули спешащие по своим делам бойцы, но нас они не заметили. Или просто не обратили внимания. Я могла бы отозваться прямо сейчас, позвать на помощь – и уже через две секунды рядом оказался бы целый отряд. Но пока этого не произошло, у меня был шанс отомстить Шенгу лин де Сторну за свои лишения. Прикончить его без разбирательства и суда.

– Из-за вас я чуть не убила Джера! – злобно выплюнула я обвинения и уже почти метнула клинок в лживого генерала, но тот выставил перед собой ладони в знак признания моей силы.

– У нас мало времени, – скороговоркой предупредил он, кинув взгляд в сторону мелькающих факелов. – Юна, ты должна меня выслушать.

– Не подходите! – крикнула я, отскакивая.

– Хорошо, – быстро согласился Шенгу. Полог захлопал, и по стенам шатров забегали тени, где-то громко засмеялся раскатистый мужской голос. – Мне хватит и одной минуты, – торопливо продолжил генерал. – Ты должна знать: всё, что я говорил о твоём менторе...

Он осёкся, словно потерял дар речи. Открыл и закрыл рот, пробуя на вкус то, что собирался сказать.

– Да? – подалась я вперёд, но мужчина странно дёрнулся и посмотрел мне за спину рассеянным взглядом.

– Генерал! – злобно поторопила я. – Вы сами сказали, что мало времени, так не тяните!

В ответ Шенгу лин де Сторн пошатнулся и начал оседать. Из его глаз брызнули кровавые слёзы, быстро заполняя глазницу. В шоке я рванула к нему, поймала за руки, попыталась удержать.

Алая жидкость бурлила и пенилась, стекала на руки, пачкала мою и его одежду. Из пустых уже глазниц, изо рта и носа хлынули водопады крови, полилась на мою накидку, на снег, забрызгивая всё вокруг. Целое озеро или даже море крови, в которое я плюхнулась вместе со своей потяжелевшей ношей.

– Зачем вы соврали про Джера? – я с силой сжала голову генерала, пытаюсь добиться ответа. Развернула к себе кошмарное лицо – точнее, то, что от него осталось. Мне необходим был ответ, и только это сейчас имело значение. Только это, и ничего больше – ни жизнь, ни война, ни будущее, ни я сама. В сознании маяком горел один-единственный вопрос, который казался правильным и по-настоящему важным.

Я подняла дрожащие ладони, скользкие и липкие, и сразу же отползла задом, замотала головой. Огни, тени, покачивающиеся сосны, бесконечные палатки, солдаты в тулупах, рваные клочья тумана – всё слилось в единый шум. Кинжал Каас, чистый и блестящий, лежал в трех шагах – я даже не заметила, как выронила его. Подползла к оружию на четвереньках, скрюченными от холода пальцами схватила бордовую рукоять, крепко сжала. Сталь в руке мгновенно вернула меня в реальность.

– Зачем вы соврали про Джера? – спросила я уже у трупа, под которым стремительно растекалась кровавая лужа. Белоснежный покров напивывался алым и превращался в Иверийский стяг под некогда верным Квертинду генералом.

Я посчитала вдохи, чтобы успокоиться. Закралось дурацкое ощущение, что Шенгу лин де Сторн умер от моего прикосновения, но это, конечно же, было не так.

Глаза заслезились от окружающих огней – они брали меня в кольцо, как загнанного зверя, приближались и тащили за собой людей – ко мне бежали со всех сторон, судя по звуку многочисленных шагов.

Огромная фигура возникла словно из ниоткуда, и я кинулась на грудь ошалевшему Татю, вцепилась в толстый ворот ватника окровавленными пальцами.

Сзади, как назло, подоспели ещё бойцы с факелами – все как один открывали рты в удивлении, некоторые даже отворачивались.

– Я не убивала его, – встряхнула я Татя и повторила громче для всех: – Это не я.

Легко представить, как всё произошедшее выглядело со стороны. Трудно доказать свою невиновность, но всё же я потрясла перед носом Татовского чистым кинжалом, пытаюсь убедить в своей непричастности. Весьма слабый аргумент, но других на ум не приходило.

– Крейг, веди парней к центральным воротам, – неожиданно скомандовал Тать. – Лормун, собирай пятёрку – обыщите остров.

Мужчины стояли, не смея пошевелиться. А до меня начало медленно доходить, отчего никто даже не пытается обвинить меня в убийстве.

– Быстро! – рявкнул Тать, и солдаты немедленно сорвались с места.

– Милость Толмунда, – наконец сообразила я, разжимая пальцы.

Обернулась на Шенгу лин де Сторна. Труп генерала был в точности похож на те, что я видела в Кедровках. Моментальная смерть мозга, вызванная кровавой магией очень высокого порядка. «Чёрный Консул смеялся над твоей медлительной тупостью», – хмыкнул Каас, и я быстро сунула его в кожаную сумку. Запоздало завертелась по сторонам в поисках красного тумана. Алые ленты нельзя было не заметить среди белого марева, но я додумалась до этого слишком поздно.

Безумно и глупо хохотнула. Чёрный Консул больше не скрывался. Он действительно насмеялся над Юной Горст, все ближе и ближе подбираясь к своей запуганной жертве. А я, вместо того, чтобы кинуться ему вдогонку, ползала по снегу, как таракан, и пыталась поговорить с трупом.

Подоспевшая Мелира с ужасом уставилась не на мёртвого генерала, а на меня, улыбающуюся своей догадке. Мимо прошагал стяжатель. Присел над телом, тщательно его осмотрел и озвучил то, что и так было очевидно:

– Здесь поработал кровавый маг пятого порядка, – назидательно, будто мы были его учениками, проговорил Шор Лормонт. – Такие есть среди людей Ордена?

– Нет, – перебила я открывшего было рот Татя. – Тот, кто убил Шенгу лин де Сторна, пришёл за мной.

Юна Горст снова оказалась в центре внимания. Только теперь я была той, кто лучше всех мог оценить ситуацию. Увы, весьма и весьма безрадостную. Сомнений в том, что за мной по пятам ходит Иверийский Квертинд в лице могущественного кровавого мага, не оставалось. А значит, третьему кроуницкому полку не дадут доехать до Астраи – ни на бригах, ни на фрегатах.

Я обошла по кругу притихших мужчин, остановилась возле Мелиры и, убедившись, что всё ещё владею общим вниманием, заявила:

– Праздника не будет.

Постаралась придать голосу твёрдости. Наклонилась, нагребла побольше чистого снега и вытерла руки – между пальцами побежали кровавые ручейки. Никто не посмел мне возразить, и я продолжила:

– Немедленно увозите отсюда армию и всё, что сможете увезти. В кратчайшие сроки. Вероятно, скоро на остров явится армия Квертинда во главе со стяжателями, – я мазнула взглядом по Шору Лормонту. – Настоящими стяжателями, которые зачистят здесь всё и убьют всех.

На удивление, Мелира кивнула первой. Целительница обошла меня, присела над трупом. Отдала короткие указания подошедшим людям, и те накрыли тело покрывалом.

Стяжатель Шор Лормонт откровенно запаниковал и проверил карманы плаща. Мне даже стало жаль его: если ложа узнает о предательстве, парня ждёт незавидная участь. Гораздо более незавидная, чем участь Кааса или даже Шенгу лин де Сторна.

– По чьему приказу? – дал о себе знать Метрий Билик.

Командующий третьим кроуницким полком стоял в окружении пары десятков человек и выглядел совершенно трезвым. Количество выпитого бренди выдавала только испарина на

крепком лбу и терпкий алкогольный дух. Запах мгновенно напомнил мне господина Демиурга, и я даже на краткий миг понадеялась, что это именно он убил Шенгу лин де Сторна. Но выяснить это прямо сейчас не было возможности, а промедление грозило лагерю разоблачением и, в лучшем случае, арестами, а в худшем – Вдовый плач мог снова оправдать своё название и жуткую погибельную славу места казни.

– Под мою ответственность, – смело выдала я. – Именем создателя Ордена Крона! Надеюсь, у вас нет возражений?

Метрий Билик нахмурился, но возражений не имел. Тать похлопал меня по плечу, а Мелира заботливо, даже по-матерински накинула на мои плечи тулуп, укутала, как младенца. Потяжелевшая накидка неприятно загубела и прилипла к коже. Кровь пропитала почти всю одежду и волосы, и они превратились в липкие сосульки.

– Можешь остаться сегодня у нас, – пролепетала подобревшая женщина. – В моей избе тепло и хватит места.

– Благодарю, – коротко ответила я. – Но к рассвету мне нужно быть в Кроунице.

– Корабль уже ждёт, – сообщил Тать и с готовностью шагнул ближе.

От усталости и тяжести хотелось рухнуть прямо в снег и уснуть, накрывшись толстым тулупом, или принять предложение Мелиры, но мне и правда необходимо было вернуться. Поэтому единственное, о чём я попросила перед отъездом, это чистая одежда и несколько ведёр подогретой воды.

Когда знакомый баркас отчалил от каменистого берега, мне всё же хватило сил обследовать палубу в поисках нужного мне рыбака. К сожалению, Демиурга здесь больше не было. Зато в обратный путь со мной отправился Тать, и я почти силой затащила его в трюм, где наказала немедленно отправиться в Приют с новостями.

– Сам знаю, – обиделся Татовский, устраиваясь рядом прямо на влажных досках опустевшей каюты.

Трюмное нутро показалось даже просторным, по сравнению с моим утренним впечатлением, и каким-то уютным, почти родным. Я прижалась к тёплому боку Татя и почти провалилась в сон, когда вдруг на ум пришло совершенно бестолковое воспоминание из далёкого прошлого.

– Ты сегодня был нянькой для истеричной пустышки, Тать, – сквозь дремоту хмыкнула я. – Спасибо.

– Я своих не бросаю, – отозвался боец и надел мне на голову тёплую пушистую шапку. – А ты, мелкая, особенно своя. И ни разу не пустышка, и не истеричная. Я таких баб ещё не встречал, ясно?

Длинный мех полностью закрыл обзор, но я не стала убирать шапку со лба. В трюме всё равно было темно и сыро, а такая преграда будто отгородила меня от всех проблем – прошедших или грядущих.

– Ясно, – зевнула я в ответ и обхватила широкое плечо в знак благодарности.

Завтрашний день обещал новые трудности, но сейчас меня ждал путь домой и крепкий сон, утаскивающий в свои объятия, как в морскую пучину. Последним, что я услышала, было тяжёлое мужское сопение и стук крышки портсигара.

Глава 2. Вальс в темноте

Покупка платья оказалась пустяковым делом. Я даже пожалела, что утром нервничала по этому поводу и поднялась пораньше, чтобы успеть закончить все приготовления.

После морской прогулки мой сон был похож на маленькую смерть: вернувшись с Гриффорда, я рухнула на кровать бесчувственной тушей и, кажется, за ночь даже не пошевелилась. И не шевелилась бы весь следующий день, но песня Сирены по обыкновению своему начала новое утро и напомнила о том, что я всё ещё дышу. К горькому сожалению каждый новый вдох приносил отдельное воспоминание: платье, причёска, Приют, маскарад. Господин Демиург и его знатные прихвостни. Простонав в подушку оскорбления, я всё-таки отодрала себя с корнями от постели и отправилась на Тифоний бульвар.

«Почему ты позволяешь ему использовать тебя?» – спросил Каас голосом Джера, когда лавочка «Дамские туалеты» пыхнула мне в лицо пыльным запахом пудры и вихрями пышных кружев. Естественно, вопрос я проигнорировала. Всё вокруг было такое сверкающее, шуршащее и пёстрое, что я едва не сбежала в соседний «ОружейНорм»: любоваться единственно приятным блеском – блеском стали. Женские наряды поначалу ввергли меня в растерянность, а позже – в панику: я понятия не имела, по какому принципу нужно подбирать платье, и даже хотела вернуться в академию за Фидерикой. Но как только глаза привыкли к нарочитой яркости, я всё же смогла найти способ оценить ассортимент магазинчика.

Главным и однозначным критерием в выборе вечернего туалета стала цена. Нет, я больше не была нищей сироткой и, благодаря добыче кроуницколя и куртажикам Голомьяса, могла бы позволить себе практически любое платье из местной лавочки, но тратиться на такую ерунду посчитала неразумным.

Во-первых, сумма оплаты за третий год обучения в академии была ещё очень далека от необходимой, а во-вторых, спускать свои в прямом смысле кровно заработанные лирны на прихоть Демиурга показалось мне плохой идеей. В конце концов, я ведь не собиралась соблазнять гостей Приюта, а только выказать им своё расположение. Для этого сгодится и радушная улыбка. Фальшивая, конечно.

Обрадовавшись складным доводам, платье я выбрала скромное, светло-рыжее, отделанное жёлтой тесьмой, с приятным ценником в тридцать лирн. Не менее приятная владелица лавочки прямо просияла от моего выбора. Улыбчивая женщина была так рада расстаться с этим нарядом, что пообещала мне скидку. А когда узнала, что я не собираюсь обременять её примеркой, и вовсе вручила мне в качестве подарка милую сумочку, похожую на жирного цыплёнка. «Выйдет прекрасный вечерний комплект», – убедила меня напудренная лавочница.

С маской дела обстояли сложнее. Разложенные на зеркальной витрине кусочки кружев и перьев стоили не меньше доброй сотни лирн, что категорически не нравилось моей скупости. Я всячески испытала маскарадные аксессуары на прочность: помяла, поскребла ногтем, изучила крепления. Последние оказались весьма непрочными, что никак не оправдало в моих глазах стоимость украшений.

В конце концов я почти наугад остановила свой выбор на кружевной лисьей морде. Ажурное золотистое переплетение имитировало рыжую хищницу и почти не скрывало лица. Но я и не питала иллюзий по поводу того, что мне удастся сохранить инкогнито в Приюте: знак соединения мгновенно выдаст личность Юны Горст, даже если лицо её будет скрыто стальным шлемом.

На покупку снаряжения ушло не больше получаса, и в четверть двенадцатого я уже стояла на сверкающей изморозью мостовой Тифоньего бульвара в окружении пёстрых витрин и прижимала к себе шуршащий свёрток.

Кроуниц всюду предавался праздничной радости: фасады домов украсили флажками и золотистыми коронами, искристый сверкающий дождь стекал с козырьков крыш, иллюзорные ели подмигивали магией, а живые деревья расправляли колко-инеистые ветки, заполняя улицы ароматом хвои.

«Во имя Квертинда!» – слышалось из окон лавочек, из-под каменных арок и разносилось вдоль тесных улиц.

Развесёлые горожане торопились по своим делам, дети хрустели цветными леденцами, а невесомый сегодня снег лениво осыпал город серебристой пылью.

Пышущий заразительным ликованием народ смело улыбался друг другу, и я легко окунулась в эту звенящую и хохочущую атмосферу. Бодро прошлась по торговому бульвару – в этом году у меня была возможность купить маленькие сувениры всем, кого хотелось поздравить.

Для парней из банды очень кстати подвернулись крохотные флаконы душистой воды «Влюблённый оборотень». Рудвик за лотком уверял, что привёз ароматы из самого Батора, где знают толк в том, как должен пахнуть мужчина. Нюхать я не стала, просто сгрузила пузырьки в походный мешок и, подумав, дополнила покупку двумя плетёными браслетами для Фиди и Сирены. Оставляю их на подушках в комнате, чтобы избежать неловкой церемонии вручения.

Торжественная суэта так захватила меня, что я чуть было не потратила весь свой бюджет на подарки для преподавателей Академии и бойцов Ордена Крона. Но вовремя остановилась и зашагала вдоль деревянных лотков со сладостями и горячими чанами бузовника.

Ближе к рынку Южного квартала веселье шло полным ходом: девушки раскручивали пышные юбки с бордовыми лентами, музыканты вразнобой звенели лютнями и гудели дудками, а нетрезвые уже горожане басили песни, славящие Квертинд и Иверийскую династию. Прямо под ноги им выливали помой и кидали овощные очистки торопливые хозяйки, галдели навязчивые торговцы, сновала ребятня с вёдрами и шлёпали деловитые рудвики, но такая теснота совсем не беспокоила жителей бедного района. Кажется, сегодня их невозможно было отвлечь от торжества.

– Во имя Квертинда, студентка! – кинулся меня обнимать какой-то обезумевший старичок, когда я протискивалась к мясной лавке.

В нос ударил затхлый запах старости и кислый – дешёвого хмеля. Но я всё же похлопала по плечу незадачливого квертиндца, который тут же раскрыл объятия следующей жертве.

Долго задерживаться не стала – обогнула толстого мясника в переднике, перепрыгнула лужу и замедлила шаг, останавливаясь напротив аккуратной старушки, стоящей на широких ступенях лавочки. Мимо торопились покупатели, хлопала дверь популярной сегодня мясной лавки, тянуло копчёностями и свежей кровью. Старушка, как и недавний старичок, славилась Квертинд и охотно поздравляла всех спешащих по своим делам жителей Кроуница.

Побитое молью пальто, прикрытое чистенькой ажурной шалью, и маленькие перчатки с пуговками делали старушку похожей на куколку, любимую своей хозяйкой. Заметив мой взгляд, она обрадовалась ещё больше и протянула один из своих товаров:

– Купите игрушку в подарок, они приносят счастье!

Назвать её по имени язык не поворачивался: не хотелось смущать мастерицу и выдавать то, что я пришла именно к ней. Она замёрзла – нос и кончики ушей, торчащие из-под низенькой шляпки, покраснели, но глаза старушки улыбались.

– Остались только хоботороги, – женщина виновато вручила мне тряпичного зверька и смутилась. – Они не очень популярны среди покупателей.

Я взяла в руки поделку крупной вязки. Разобрать животное в ней было трудновато: на морде торчало два рога разного размера и ярко-фиолетовый хобот с милым пятчком на конце. Хвостом служил пучок пряжи, правым глазом – жёлтая пуговица, левым – оранжевая бусина.

– Вам нравится? – шмыгнула носом Линда, осторожно доставая чистый платочек из кармана пальто.

– Он прекрасен! – отчего-то выпалила я и сунула в замёрзшую старушечью ладонь три лирны.

– Это слишком много! – запротестовала мастерица и попыталась вернуть мне деньги, но я отошла на два шага.

– Купите сегодня сладостей, – попросила я смущённую леди. – Праздник же! Во имя Квертинда!

– Во имя Квертинда! – рассмеялась Линда и промокнула платочком уголки глаз. – Спасибо, милая девушка! Он принесёт счастье своему владельцу. Подарите его тому, кого любите!

Она потрясла ладонью с монетами. Радостный свет в глазах мастерицы напоминал тот, что струился сквозь наши с Джером пальцы.

– Кого люблю... – в носу защипало, и я едва удержалась, чтобы не чихнуть. Отвернулась и поблагодарила: – Спасибо, Линда!

Зашагала быстро, оставив растерянную женщину с монетами, а потом и вовсе побежала, разгоняя толпу.

В комнате номер триста двадцать два мерцала иллюзорная ёлка.

Это было самое красивое праздничное украшение из всех, что мне доводилось видеть – идеально ровные пушистые веточки подрагивали вместе с жемчужными бусами, гармонично вплетёнными в бордовые ленты магии. И даже венчающая дерево корона светилась мягкими приглушёнными искрами, как свежий снег в солнечном свете. Глаз не отвести!

Вдоволь налюбовавшись прекрасным творением мага Мэндэля, я с тяжёлым вздохом перевела взгляд на зеркало. Как раз в тот момент, когда дверь отворилась и на пороге появились две другие хозяйки комнаты.

– Юна? – вытаращила глаза Фидерика, схватившись за косяк, чтобы не упасть.

– Это просто иллюзия, – заявила Сирена, поочерёдно стягивая длинные перчатки. – Наверное, Куиджи решил оставить нам шутку-сюрприз.

– Ну, – развернулась я к подругам, чтобы развеять сомнения в своей материальности. – Как вам?

Затопталась на месте и захотела обхватить себя руками, но это помешало бы демонстрации наряда. Поэтому я просто развела руки в стороны и хлопнула себя по бёдрам: мол, оценивайте. Потом сообразила, что комплект нужно дополнить, и схватила с кровати пухлую сумку-цыплёнка, располневшую ещё сильнее: она уже успела сожрать хоботорога.

– Если хочешь подарить эту старомодную сорочку своей бабушке, то отличным дополнением станет ночной чепчик, – Сирена упёрла руки в бока. Она явно хотела добавить что-то ещё, но заметила браслет у себя на подушке. Мне показалось – подобрела. По крайней мере, замолчала.

– Почему ты не попросила меня помочь тебе с выбором? – осторожно обошла меня по кругу Фиди, воздерживаясь от комментариев.

– Да бросьте! – виновато заулыбалась я. – Отличное платье. Оранжевое. Чуть-чуть совсем не по размеру.

И снова уставилась в зеркало. В плечах наряд сидел отлично, но вот в груди был тесноват. А в талии плотные складки заметно топорщились и непосвящённый человек мог бы принять меня за беременную даму. Сильно беременную даму.

– Маска красивая, – Сирена ткнула пальчиком мне в лоб. – Точно получше чёрного чулка на голове. Смотрите-ка, в элегантности Юны Горст наметился прогресс!

– Юна, какая прелесть! – выпалила Фиди, обматывая запястье браслетиком. – Он очень милый! Спасибо!

Девушка кинулась обниматься, и я охотно обхватила её мягкие плечи. От Фиди пахло тарокко и эдельвейсом – точно так же, как от меня самой. Я снова невольно взглянула на мерцающую иллюзию, подрагивающую на нефритовом подоконнике. За окном падал мягкий, медленный снег, дополняя праздничную картину Дня Династии.

– У нас побывал Куиджи? – догадалась я, когда Фиди отпустила меня и принялась рассматривать свой подарок.

– Вообще-то в этой комнате живёт другой ментальный маг, – Сирена назидательно подняла палец и указала им на ёлку: – Эта иллюзия – творение Фидерики, а не её будущего мужа.

– Она потрясающе красивая! – похвалила я.

– Тебе нравится? – Фиди прижала ладони к щекам, по-хозяйски осматривая иллюзорную ель. – Она получилась крохотной, потому что пока мой порядок слишком маленький, но я прибавила капельку магии Нарцины при создании, – девушка довольно трянула рыжими кудрями и задумалась. – Точнее, наоборот: к магии искусства прибавила ментальную... – она вновь замолчала, оглядывая меня с ног до головы.

– Ты можешь смешивать магию? – больше для поддержания беседы спросила я и всё-таки обхватила себя руками.

Сирена откинула крышку нарядной коробки и зашуршала упаковочной бумагой, извлекая на свет тонкую полупрозрачную ткань нежно-фиолетового цвета. Она потянула за собой гладкий переливчатый атлас юбки. Восхищённый вздох вырвался сам собой. Лёгкое сожаление поскреблось в затылок, и я почесала ещё влажную после душа шевелюру. Всё-таки надо было взять с собой помощницу в выборе наряда...

– Это несложно, – Фиди осматривала меня так же, как недавно свою ёлку – оценивающе, чуть прищуренно и совершенно по-деловому. Между бровей девушки залегла складка. – Ты ведь не пойдёшь на торжественный бал в сапогах?

– А? – отвлеклась я от размышлений о собственном промахе и уперлась взглядом в побитые мысы любимой обуви. – Их ведь не видно под юбкой?

– Можешь взять мои прошлогодние, – предложила Фиди и вытащила из-под кровати слегка помятую коробку. – Это босоножки. Они не слишком подойдут к твоему наряду, да и до бестиатриума придётся нести их в руках, но идти на праздник в сапогах под платьем – это... это... – она замялась, будто в один миг стала прежней застенчивой Фидерикой Уорт, а не успешным ментальным магом.

– Это в стиле сорокиной дочери, – Сирена, в отличие от Фиди, в выражениях не стеснялась. – Не удивлюсь, если ты их даже не вымоешь от грязи перед танцами.

– Сорокина дочь недавно разгребала результаты вздорной глупости под названием «Я хочу стать женой таххарийца», – не осталась я в долгу. – А это очень, очень грязное дельце, можешь мне поверить. Так что будет справедливо, если ты хотя бы вымоешь мои сапоги после этого, Сирена.

– Вот ещё! – сморщила носик серебристая лилия. – Может, расскажешь нам, почему после твоего вмешательства Лоним больше не разговаривает с Куиджи и даже отказался приходить на его свадьбу? А когда речь заходит о тебе, Рилекс вообще без возражений соглашается со всем перечнем недостатков Юны Горст?

Сирена отвлеклась от своего воздушного платья и вопросительно поджала губы. Ей больше нравилось, когда Лоним всё-таки спорил с ней по поводу моих качеств.

– Последствия благих намерений, – в ответ передёрнула плечами я. – Это было лучшим решением и меньшим злом.

– Примерь, – вмешалась в спор Фиди, пододвигая мне обувь, больше похожую на связку ремешков.

– Это даже интересно, – растеряла ехидный запал Сирена, наблюдая, как я пытаюсь протиснуть стопу в мягкие обручи из бежевой кожи. – То, как однобоко ты подходишь к решению любых трудностей.

Пока мы со студенткой Эстель вели битву взглядами, Фидерика присела передо мной и помогла: сама затянула мелкие замочки, расправила и перевернула тонкие полоски на лодыжке.

– Спасибо, – поблагодарила я подругу и оценила результат её усилий.

После массивной подошвы сапог босоножки казались какими-то маленькими, прямо крохотными. Нога на невысоком каблуке стояла неустойчиво, то и дело намереваясь завалиться на какой-нибудь из боков. Зато размером обувь оказалась впору. Я подпрыгнула и прикинула, каково будет стрелять из стойки в столь шатком положении. Сморщилась – то ли от ощущений, то ли от осознания того, что Карнеум придётся оставить дома.

– Ещё кое-что, – увлечённая Фидерика буквально накинулась на меня, и я инстинктивно дёрнулась от неё прочь. Но Фиди с удивительным для неё проворством оказалась рядом и несколько раз обвила широкой лентой мою талию, подбирая вспученные складки и что-то приговаривая себе под нос. Явно не заклинания Нарцины, но и не едкие комментарии по поводу моего выбора, что уже было неплохо.

– Так лучше, – с долей сомнения выдала серебристая лилия, поглаживая подбородок.

– Лучше, – встала с ней рядом Фидерика и снова прищурилась. – Нужно волосы подобрать.

Так действительно было гораздо лучше, судя по отражению. Ленты Фидерики служили небольшим корсетом, отчего талия отчётливо обозначилась на фоне бёдер и даже грудь стала казаться больше. Вдобавок концы лент закручивались в милый бантик где-то за спиной, не оставляя сомнений в нарядной женственности. Дело оставалось за малым: не растерять опрятный вид за поездку на капране до самого Приюта – и Демиург точно останется доволен.

Наряд выглядел законченным, но студентка Уорт не остановилась – она вооружилась ножницами и иглой, аккуратно чикнула оранжевый лиф где-то под мышкой и принялась подгонять платье по фигуре. Сирена фыркнула и удалилась в комнату гигиены – наводить красоту.

Одну тонкую ниточку Фиди велела мне зажать между зубов, объяснив это какой-то нелепой приметой, но я заподозрила, что это для того, чтобы я не отвлекала подругу разговорами.

Я и не отвлекла. Молча стояла бездвижной куклой, которую наряжает заботливая хозяйка. Выполняла короткие команды: повернись, придержи ткань, подними волосы. И думала о том, что роль покорной куклы будет сопровождать меня весь праздник. Только вот сосредоточенная Фидерика, закусывающая от увлечения губу и пыhtящая над каждым стежком, не претендовала на игры с моей душой и приказы отдавала простенькие. О том, какие приказы будет отдавать Демиург, я старалась не думать, но тоже, как и Сирена, поглядывала на часы с замиранием сердца. Грядущая торжественная ночь нервировала мрачной таинственностью, но я ничего не могла с этим поделать.

Иголка в пальчиках Фиди взмывала вверх и снова ныряла в рыжую ткань, прихватывая ленты и собирая излишки материи. Мягкие блестящие локоны девушки почти сливались цветом с моим платьем и щекотали каждый раз, когда она склонялась слишком близко.

Мне стало неловко.

Всё это время я думала только о себе, принимая заботу Фиди как должное. А ведь она не была обязана помогать! Подруге приходилось возиться со мной, вместо того чтобы самой готовиться к празднику. Я мысленно пообещала себе в следующий раз не экономить на наряде и обязательно спросить совета у той, для кого мода была родной стихией. Даже роднее стихии разума.

– Фиди, – наконец не выдержала я и выплюнула уже промокшую нить, – ты и правда настоящий маг Нарцины! Это твоё призвание!

– Настоящих магов Нарцины учат в Мелироанской академии благородных дев. Но туда принимают девушек только благородных фамилий, – Фидерика затянула последний узелок, отрезала нитку и взбила руками неожиданно пышную юбку рыжего платья. – Мне туда не попасть.

– Ты уже всё умеешь, – я покрутилась перед зеркалом, довольная удачным преображением. – Кстати, когда ваша с Куиджи свадьба?

– Мы назначили дату, – просияла подруга. – Отметим прямо в академии, в Церемониальном зале, на двести девяносто четвёртый день от Красной Луны. Весна – отличное время для торжественной церемонии. Ты ведь придёшь, Юна?

– Конечно, – довольно кивнула я и снова уставилась в зеркало. – Ни за что не пропущу свадьбу лучших друзей!

Платье изменилось до неузнаваемости. Стараниями Фидерики я выглядела как настоящая высокородная леди: изящная, аккуратная и очень нарядная. Юна Горст и правда стала похожа на торжественную иллюзию самой себя. Даже удивительно, сколько радости мне принес собственный образ.

– Спасибо, Фиди! – не стала я сдерживать эмоции и обняла подругу.

– Я смотрю, ты полюбила праздники, – цокнула вернувшаяся мокрая Сирена. – Каково это – отмечать День Династии, которую прикончила твоя мать?

– О боги, Сирена! – рывкнула я самое приличное, что пришло в голову. – Надо было отдать тебя таххарийцу! Или той ведьме, что едва не сожрала нас прямо посреди атхавара! Почему-то, когда я тебе вдруг понадобилась, ты забыла о преступлении Тезарии Горст и охотно воспользовалась услугами сорокиной дочери! – я схватила расчёску и чуть было не швырнула её в подругу, но вовремя одумалась – только угрожающе ткнула гребнем в сторону язвительной леди. – Зачем я только пошла за тобой в это пекло?!

Даже в платье Юна Горст осталась сама собой и при первой же возможности вооружилась. Но впечатление это произвело только на Фиди: она осторожно шагнула назад и опустилась на стул.

Студентка Эстель даже не заметила, в какой опасности находится, и не услышала, как запела боевая сталь в ворохе привычной мне одежды. Она вообще, казалось, пропустила гневную речь мимо своих увешанных серьгами ушек. Мокрые потемневшие локоны прилипли к затылку и щекам девушки, но даже это её не беспокоило. Серебристая лилия задумчиво перебирала украшения в большой шкатулке. Бусы, ленты, кольца, заколки то и дело покидали своё привычное место и с приятным тихим шелчком падали обратно.

От такого невнимания я рыкнула и всё-таки швырнула расчёску, но не в Сирену, а на свою кровать. Троллье дерьмо! Глупо было надеяться, что какой-то браслет исправит наши отношения. Даже мои попытки сбересть её от таххарийца ничего не значили для бывшей подруги. Избалованная леди Эстель не умела признавать ошибок и быть благодарной.

– Только бы он меня не выбрал, – неожиданно обречённо вздохнула серебристая лилия, когда я немного успокоилась. – Боюсь, нас с ним в этом случае ждёт неприятный разговор. Моё сердце принадлежит Лониму, теперь я это знаю точно. Объясняться с хьель-амиром мне бы не хотелось – отказы всегда больно ранят мужчин.

Вряд ли вонючего таххарийца можно было ранить – хоть словом, хоть клинком. Джеру это удалось в поединке, но он был магистром боевого факультета и настоящим мастером битвы. Лоним же таким мастером не был, хоть и слыл одним из лучших студентов Омена. Грязное, нехорошее предчувствие мазнуло изнутри, и я вмиг угадала то, о чём думала Сирена, перебирая свои драгоценности. И даже... посочувствовала ей.

Между бледных пальчиков мейлори серебристой лилии вдруг мелькнула тонкая длинная игла. На миг показалось, что Сирена хранит стилет среди своих побрякушек, но это оказалась

острая шпилька с фигурным золотистым наконечником. Мимо прошуршала Фиди, обдав меня привычным нам обоим ароматом.

– Можно? – осторожно спросила студентка Уорт и буквально выдернула иглу из ладошек Сирены. Но быстро оправдалась: – Юне как раз подойдёт под наряд.

– Конечно! – всплеснула руками Сирена. – Давай отдадим ей всё, что у нас есть! – она поднялась и зашлёпала босыми ногами прямо по каменным плитам. Но всё-таки разрешила: – Можно. Это подарок троюродной тётки. Ненавижу её.

– Похоже на отличный кинжал, – я взвесила на ладони тяжёлую шпильку, когда Фиди вручила мне опасное украшение. Прищурила глаз и примерно прикинула расстояние до Сирены. Точный выйдёт бросок, без промаха. – Можно хранить в сапоге: удобно доставать в неожиданный для противника момент.

Движущаяся цель в виде Сирены поджала пальцы и задрала вздёрнутый носик.

– Не забудь вернуть, – предупредила подруга. – Тётка ужасно расстроится, если узнает, что я избавилась от её фамильной заколки.

– Непременно, – растянула я губы в ехидной улыбке вместо благодарности.

И прямо заёрзала от предвкушения: если эту штуку вставить мне в причёску, то я не останусь без оружия на празднике! Конечно, Чёрный Консул с большой долей вероятности не может проникнуть в Приют, но вдруг он умеет ходить сквозь стены?

Метнулась к кровати – туда, где в ворохе формы был зарыт Каас. Задрала платье, притулила ремень с кожухом на бедро – так ещё лучше! Теперь я не только нравилась сама себе, но и чувствовала привычную уверенность – шуршащий ворох юбок прекрасно скрывал уже потёртую бордовую рукоять верного стального друга.

«Мы вышли на новый уровень отношений», – пошутил Каас, охотно расположившись поверх резинки чулка.

Я усмехнулась сальной шутке и сделала дурашливый поклон Фидерике, застывшей с гребнем в руках. Она, в отличие от меня, собиралась использовать его по назначению: уже приготовила стул для своей нарядной куклы и горстку шпилек.

Где-то в коридоре радостно завизжали девичьи голоса и застучали каблучки – хлопотная суета захватила всё женское крыло замка Кроуницкой академии, и я неожиданно поняла, что тоже предаюсь ей с некоторым удовольствием. Присела на край стула и выпрямила спину, подставляя макушку заботам подруги. Прикрыла глаза и почти замурлыкала от наслаждения, когда Фиди принялась расчёсывать волосы.

Было что-то неуловимое и очень ценное в том, чтобы на одно праздничное утро стать обычной девушкой, верящей в лучшее и ожидающей чудес.

Мороз сковал наледью торчащие из-под снега кусты, и ветки их казались прозрачными кристаллами из пещер Трескималя – хрупкими, звонкими и сверкающими. Проглянувшее сквозь серую завесу закатное солнце лизнуло снег бледными лучами, добавив окружению и без того ослепляющей яркости.

Я сощурилась и осторожно приподняла длинную юбку платья, спускаясь с каменных ступеней. Шагала медленно, чтобы ненароком не упасть и не растерять наведённую Фидерикой красоту.

Ёлки-сугробы выстроились торжественным рядом вдоль широких аллей. Зима в праздничный день пыхнула снегопадом, и мир сделался сверкающим и пушистым, как белоснежный плюшевый медвежонок на витрине игрушечного магазина – ещё совсем новый, не тронутый детскими ладошками.

На дорожках было людно: свирь в светло-зелёных мантиях покинули стены академии и принялись украшать двор праздничного замка, отмахиваясь от летящего снега.

В высоких арках бестиатриума то и дело мелькали ленты зелёной магии, вспыхивали оранжевым стены, мельтешили рудвики. Подготовка к торжественной ночи шла полным ходом. Я вздохнула, понаблюдав издали за превращением любимой мной боевой арены в танцевальную площадку, и свернула в другую сторону – туда, где находилось ещё одно дорогое сердцу строение.

Ближе к комплексу святилищ встретилось не меньше десятка пушистых помощников, ретиво тянущих высокую пышную ёлку прямо по заиндевелой тропинке. Я обошла их, стараясь держаться как можно дальше, и наткнулась на стайку хохочущих целительниц. Девушки поедали сливочную карамель у святилища Девейны, но, увидев меня, резко замолчали, а потом зашептались.

– Брысь! – рявкнула я как можно громче, и под ближайшей ёлкой сорвался с места мелкий зверёк.

В отличие от него, целительницы только опасливо оглядели меня с ног до головы, будто надеясь, что я прогоняла не их. Или что я вообще не сорокина дочь Юна Горст, а вежливая леди в нарядном платье. Пришлось внести ясность.

– Пошли вон отсюда! – грозно прикрикнула я и даже потянулась было за Каасом, но рука нащупала только ворох ткани над кожухом.

Ухнула от досады – сомнительная получилась угроза. Но и такой хватило, чтобы студентки вздрогнули и по одной зашагали прочь от церемониального комплекса. Там, где они стояли, осталась только одна яркая варезка и пара выпавших леденцов.

Я отпихнула утерянную одежду ногой, снова повыше задрала юбки, схватила их в охапку вместе с кучей барахла – сумкой, босоножками, маской – и зашагала по сугробам напрямик к покосившимся воротам военного штаба банды изгоев.

– Ты не понял, – донёсся из храма рудвиков голос Куиджи. – Маскировка иллюзией, по сути, является обманом г'азума – заклинание пятого поядка, мне пока недоступное, – он громко вздохнул и изменил интонацию, явно копируя магистра Риина: – Видеть, но не замечать. Слышать, но не понимать. Так пг'ячут пг'едметы на видном месте или даже здания...

– Во имя Квертинда! – прервала я занудную речь, распахивая двери.

Парни мне явно обрадовались, но потом остолбенели, обнаружив под форменной накидкой непривычный вид, и наконец как-то насмешливо заулыбались.

– Ты похожа на сморщенный абрикос, – хмыкнул Комдор, усаживаясь на крышку клавишина.

За его спиной мерцала ёлка – гораздо менее привлекательная, чем та, что я видела в комнате, но зато эта иллюзия была высокой и почти не дрожала. Нед вынул кинжал и принялсяковырять и без того поломанные клавиши.

– Очень кг'асивый нагяд, – вежливо похвалил Куиджи, уступая единственный стул.

Мон опустил глаза, покраснел и кинулся закрывать за мной ворота в храм рудвиков. Дохлой крысой тут уже не воняло, лишний мусор мы вынесли ещё месяц назад, так что в военном штабе банды царил некоторый уют.

– Я ненадолго, – постучала я сапогами, сбивая снег с подошв. Свалила девичью ношу кучкой на свободный стул и принялась раздавать подарки.

Это было не очень хорошим решением – тратить драгоценное время на поздравление банды изгоев, но я не смогла себе отказать в этой прихоти. В День Династии мне было необходимо увидеть тех, в ком я была уверена и кого любила – короткий момент искренности с близкими людьми перед маскарадом лицемерия.

Парни благодарили от всего сердца, нюхали флаконы с надписью «Влюблённый оборотень» и даже не кривились.

– Пахнет шалфеем и лавандой, – повёл носом Мон и в очередной раз откупорил притёртую пробку.

– Кряхт, – ругнулся Комдор. – Забыл про подарки! Но с меня выпивка!

Я строго глянула в сторону Неда, но комментировать не стала. Мон завозил ногой по полу и опустил голову: должно быть, тоже забыл. Но это сущие мелочи. Самое важное то, что каждый из банды помнил о клятве.

– Мы с Фидег'икой тоже пг'итовили всем сюг'пг'изы, но вг'учим их на пг'азднике, – важно сообщил Куиджи.

– Меня Фиди и так сегодня одарила, – я указала на своё платье, и парни с сомнением оглядели его. – Кстати, красивая ёлка! Здорово, что ты украсил наш штаб!

– Ты её видишь? – отчего-то расстроился Куиджи и прямо сник.

Хотелось уточнить, почему учтивый комплимент вызвал такую реакцию, но глаз зацепился за циферблат с Иверийской короной. Часы показывали половину пятого, и это означало, что времени у меня почти не осталось. А перед отправлением в Приют я собиралась посетить ещё одного, самого важного человека...

– Мне пора, – коротко кинула я и торопливо засобиралась.

Натянула перчатки, подхватила своё барахло и, обернувшись у самого выхода, обнаружила озадаченные физиономии. Банде явно было интересно, куда я собралась. Пришлось частично посвятить их в свои планы на ближайшую ночь.

– В бестиатриуме меня не будет, – сразу предупредила я, чтобы отсечь лишние вопросы. – У меня дела в Кроунице, так что встретимся уже завтра. – Куиджи открыл рот, но я торопливо перебила его ценными указаниями: – Держитесь подальше от Ракель и её шайки прихвостней. Особенно следите за Родриком Трейсли: он трусливый ублюдок и может нагадить по-тихому.

– А ты... – всё-таки начал Лампадарио, но я снова его заткнула.

– Буду со своим ментором, – уверенно соврала я, и на лицах друзей мелькнуло облегчение и понимание.

Возможно, когда они увидят Джера в бестиатриуме, вопросы у них снова возникнут, но объяснения я решила оставить на потом. Сейчас слишком волновалась перед предстоящей встречей. Да и платье с причёской сковывали не только движения, но и мысли – приходилось контролировать каждый шаг и каждый взмах, чтобы ненароком не разрушить хрупкий наряд.

– Во имя Квертинда! – помахала я на прощание и, получив такой же ответ, дёрнула тяжёлые створки.

Ворота поддались не сразу, пришлось проташить их волоком, расчищая небольшой сугроб у выхода. «Надо будет починить», – мелькнуло в голове, когда я уже отошла на пару десятков шагов. Ступила на расчищенную дорожку, с облегчением отпустила порядком надоевшую юбку и только теперь заметила спешащего следом за мной Мона.

– Значит, тебя не будет на празднике? – запыхтел Монтгомери, уткнувшись взглядом в святилище Девейны.

Я напряглась. Объясняться совсем не хотелось, а лишние расспросы нервировали похлеще тянущего ожидания.

– Не будет, – сквозь зубы процедила я, демонстрируя нежелание беседовать.

– Я думал, что... – он обхватил свой тиаль, отпустил и снова обхватил. – Ну, что все будут танцевать, а ты не будешь, потому что не любишь. Я люблю, но... – он кинул на меня короткий взгляд и затоптался на месте. – Тоже не буду, конечно. Или, может, мы могли бы с тобой, как на занятиях Банфик... – парень замолчал, будто ждал, что я соглашусь.

– Мон, я не буду танцевать, – терпеливо выдохнула я. – Ни в бестиатриуме, ни где-либо ещё.

– Так и знал, – победно заключил он и улыбнулся, погладив пухлой ладонью ёжик волос. – Поэтому хотел вручить на празднике, как Куиджи, но... Вот. Это тебе, Юна.

Монтгомери протянул небольшой футляр из бежевого шёлка и сдавленно икнул.

– Спасибо, – спешно поблагодарила я и сразу же сунула любопытный нос в коробочку.

Внутри лежала идеальная бусина. Изящное и нежное украшение для истинной леди, с которой наверняка меня можно было сегодня перепутать. Но я не была леди. И никогда не носила ничего подобного. Поэтому не знала, как реагировать. Прошла минута, другая, а я так и стояла, всматриваясь в переливчатый перламутр. Мне ещё никто не делал подарков вот так, из рук в руки, и сейчас я вдруг осознала, что принимать их – не так уж и просто. По крайней мере, у меня совершенно не было опыта.

– Тебе не нравится, – погрузился Мон. Он почесал замёрзшее ухо и спрятал руки в карманы накидки. – Я просто не знал, что нужно дарить девушкам. А ты вообще... не совсем девушка.

Нежно-розовая горошина размером с бруснику сияла даже ярче окружающего снега. Я аккуратно поддела бусину, и она потянула за собой тонкую золотистую цепочку.

Мимо прошагал недовольный поварёнок с огромным подносом ароматного печенья, и я едва не выронила подарок – поймала его буквально у самого сугроба. Со стороны площади заголосили восславления, захохотали студенты.

– То есть, конечно же, ты девушка! – как-то яростно оправдался Мон, будто злясь на студентов или на самого себя. – Просто я знал, что ты не любишь все эти женские штучки, но всё равно... – он облизал губы.

– Мне нравится, – прервала я смущённую речь. – Похожа на крохотную луну. Такая... ровная. И красивая.

– Правда? – вытаращил глаза друг.

– Клянусь, – ни капли не солгала я. – Можно надену её прямо сейчас?

– Ты хочешь? – глаза его забегали, оглядели дорожки, ёлки, мелькающих на ступенях студентов, но остановились на мне. – Да, конечно! – обрадовался Монтегери. – Мне будет приятно, если наденешь.

– Поможешь мне? – протянула я украшение, и он попятился, будто в руках у меня был коготь икша, а не его собственный подарок.

Но потом осмелел, подул на ладони, бережно взял подвеску.

Я развернулась, скинула капюшон. Волосы Фидерика подняла мне в высокую причёску, поэтому дополнительно придерживать их не требовалось – только расстегнуть ворот накидки, освобождая шею.

Прохладная горошина легла между ключицами, и я обхватила её, придерживая, чтобы она снова не попыталась утопиться в сугробе.

Ладони Мона оказались горячими, будто сквозь них текла магия Девейны – приятный жар обжигал затылок с каждым прикосновением. Я слышала, как парень пыхтит, пытаюсь совладать с хитрым замком. Стояла неподвижно и боковым зрением наблюдала за теми, кто кидал на нас любопытные взгляды. Ну и пусть. Правила мы не нарушали, а на слухи мне давно уже было наплевать.

Через минуту всё было кончено, и я не придумала ничего лучше, чем обхватить большое мягкое тело друга в знак благодарности.

– Во имя Квертинда, – прошептал мне на ухо Мон.

– Отпразднуйте здесь без меня хорошенько, – пожелала я, освободившись от его медвежьих объятий. И тихо добавила: – Проследи, чтобы Комдор не напился, ладно?

– Конечно, – уже искренне и свободно улыбнулся Монтегери. – Встретимся утром за завтраком?

– За обедом – точно! – пообещала я. – Завтрак могу проспять.

Мы рассмеялись и, постояв ещё несколько секунд, разошлись в разные стороны.

В некотором смысле мы с хоботорогом были похожи. Он и я – нелепые, странные создания, которые невероятным счастливым образом выживали вопреки судьбе. Мы оба должны были сгинуть, погибнуть под смертельными жерновами Квертинда, но оба неплохо устроились и даже имели вполне ясные перспективы. Но если участь хоботорога легко объяснялась человеческой жалостью и великодушием, то моя собственная казалась мне совершенно непостижимой. Я словно ходила по натянутому канату с завязанными глазами, и каждый следующий шаг мог оказаться смертельным. Одно неловкое движение – и сорвёшься в пустоту. Но страха не было: нутром, шестым чувством я ощущала, что где-то внизу за мной следит тот, кто непременно поймает, если я оступлюсь.

– Где же твой хозяин? – спросила я у вязаного собеседника.

Тихий шёпот в пустом кабинете показался слишком громким, как и последовавший за ним вздох. Хоботорог сверкнул глазом-бусиной, но мудро промолчал.

Господина Демиурга всё ещё не было, поэтому маскарада я дожидалась в компании уродливой игрушки и фолианта кровавой магии. Книгу открыла больше по привычке – поначалу вздумалось потратить свободное время с умом и вычитать несколько новых заклинаний, но сознание напрочь отказалось сосредотачиваться на учёбе. В конце концов я забросила жёлтые страницы и уставилась рассеянным взглядом в окно.

Двор Приюта наполнялся густыми янтарными сумерками, светлыми от фонарей и сияющих иллюзий. На террасе сутились слуги, заканчивая последние приготовления: столы вдоль парапета заполнялись блюдами, бесчисленные свечи вспыхивали под лучинами, бокалы сияли начищенными стенками. Даже снегопад не посмел потревожить это оживлённое благополучие. Праздник приближался неумолимо, неизбежно, лавиной человеческого счастья и светлых надежд. Ожидание чуда почти осязаемо висело в воздухе – случайной улыбкой на вечно угрюмом лице, блеском глаз и залившимся смехом.

Прелестная Марианна, совершенная в своём бледно-голубом платье, встречала первых гостей на правах хозяйки. Нарядные господа со своими хорошенькими спутницами подолгу задерживались у беседки, в которой сегодня разместился оркестр, и под тихую музыку двигались вдоль главной аллеи. Неизменно останавливались у фонтана с обнажённой Нарциной, звонкие струи которого сегодня напоминали страницы персонажвира – казалось, в каждой живёт семейка золотистых светлячков.

Я вновь тяжело вздохнула. Меня от этого карнавала роскоши отделяло стекло и несколько последних минут одиночества. Вопреки ожиданиям, времени у меня оказалось предостаточно: в приют я приехала даже раньше назначенного часа. Капрана гнала нарочно медленно, всматриваясь в толпу в глупой надежде, берегла внешний вид, но до красных ворот поместья добралась ещё до прибытия первых гостей.

А всё потому, что Джера так и не встретила.

Яркие пёстрые бабочки взволнованно затрепетали крыльями за спиной и с размаху врезались в стекло – они разделяли мою нервозность и разочарование. Ещё пару часов назад я с таким же упорством ломилась в дом ментора в тщетной попытке поздравить его с праздником. Даже позволила себе войти без приглашения – но в круглом домике было пусто, темно и холодно. Где пропадал его хозяин, я даже предположить не могла. От этого и без того неприятный грядущий праздник показался мне чем-то вроде пытки, очередного экзамена на лицемерие. Я должна была улыбаться и славить Квертинд, несмотря на растущее беспокойство и брезгливость. Что ж, по крайней мере, в этот раз у меня на лице была самая настоящая маска.

Золотистая лисья морда не придавала загадочности, но неплохо подчёркивала глаза. Я дотронулась до отражения в оконном стекле, пытаюсь узнать в нём саму себя, и недовольно скривилась. Наряд больше не казался таким уж привлекательным: цвет платья выглядел слишком резким. Кожа на фоне ярко-оранжевой ткани смотрелась бледной, почти зелёной, волосы – тусклыми и растрёпанными, вдобавок вид портил длинный розовый шрам от зубов икша,

заметный даже в темноте. Да и без него все руки были исполосованы мелкими царапинами и крохотными порезами. Уверенность в собственной привлекательности испарилась. От той Юны Горст, что красовалась перед зеркалом в комнате, не осталось и следа. Только жемчужина в ложбинке ключиц была прекрасна без всяких оговорок – украшение ловило блики от канделябров и мягко сияло благородным перламутром.

– Через пять минут жди меня у стойла, – ворвался знакомый голос вместе со звуком открывающейся двери. – Пусть Ленида принесёт туда костюм и маску. Бродзена проводите в хранилище артефактов, а особого гостя... – мужчина наконец заглянул в кабинет и запнулся. – Юна?

Господин Демиург, кажется, не ожидал меня увидеть. Или просто не узнал, как и многие сегодня. Из-за спины создателя Ордена Крона выглянула кривая рожа Татя и физиономии любопытных слуг, но ненадолго: дверь захлопнулась перед ними, когда грязный и хмурый Демиург вошёл внутрь. Я уже видела его таким, но сейчас удивилась не меньше, чем он: наряд бедного рыбака резко контрастировал со сдержанной роскошью поместья. И вряд ли служил карнавальным костюмом.

– Рад, что ты пришла, – непривычно скупно бросил Демиург. Прошёл напрямик к столу с графином, налил себе вишнёвого бренди, отхлебнул.

– Вы напомнили мне об обязанностях, – осторожно начала я и отшатнулась, потому что от мужчины здорово несло потом и пылью.

Демиург не заметил моей брезгливости и уселся на диван прямо в грязной одежде, откинул голову на спинку и прикрыл глаза. Устал. Несколько минут молчал, и я даже заподозрила, что он уснул, но закрытые веки слегка подрагивали, выдавая работу мысли и присутствие сознания.

– Только вернулся с Гриффорда, – объяснил мужчина. – Пришлось срочно вывозить с острова армию, – он приоткрыл один глаз, повернул голову. – Ты молодец, что распорядилась о срочном отбытии. Это спасло людей и планы Ордена на взятие Вереса. Не ожидал.

Я всё же присела рядом – на самый край дивана, чтобы не испачкаться, и внимательно всмотрелась в его лицо. На лбу Демиурга залегли глубокие морщины, уголки губ опустились, под глазами темнели круги. Под моим взглядом он закатал рукав и отодрал пломп размером с десятилирновую монету. Иллюзия спала, но внешность мужчины это почти не изменило: усталый, потрёпанный вид создателя Ордена Крона говорил о том, что ночь у него выдалась тяжёлая. Только глаза стали яркими и разными. Как у... хоботорога. Я торопливо запихнула игрушку в сумку, будто устыдилась его существования.

– Я могу быть полезнее, чем вы думаете, – насупилась я. – И толку от меня гораздо больше именно рядом с армией, а не на бестолковом маскараде среди живых кукол. Я могла бы отправиться в Верес вместе с третьим кроуницким полком, чтобы...

– Почему ты не сказала мне, что за тобой следят? – перебил Демиург. Осушил одним глотком стакан, со звонким стуком отставил его.

От резкой смены темы я растерялась и часто заморгала. Действительно, почему я не сказала об этом заранее? Очевидно, что поездка на Гриффорд приведёт Чёрного Консула прямо в колыбель Ордена Крона, в один из его скрытых лагерей.

– Не была уверена, – я надула щёки и хотела почесать затылок, но наткнулась на острую заколку и опустила руку. – Я думала, Кирмос лин де Блайт настолько въелся в мои мысли, что просто мерещится в каждой тени. А доказательства слежки были не убедительными.

– Ты всё ещё мне не доверяешь, – коротко заключил господин Демиург. – Хотя поводов для сомнений у тебя не было. Но я же не твой непогрешимый ментор.

Яркие разноцветные глаза смотрели насмешливо, выжидающе.

– Только попробуйте, – предупредила я злобно. – Только попробуйте ещё раз подвести его под подозрения, и я уйду прямо сейчас, не дожидаясь, когда ваша богатенькая знать начнёт

прожигать во мне дыру жадными взглядами! – я подскочила и заметалась по кабинету. Каблуки босоножек утонули в пушистом ковре. – Это наверняка вы подослали Шенгу лин де Сторна, чтобы он снова посеял в моей душе сомнения! Ваш спектакль, как всегда, безупречен от начала и до конца, но вы правы – я не доверяю ни вам, ни удивительным случайностям, подстроенным специально для обмана наивной мейлори. Только вы повторяетесь: сначала Кедровки, теперь вот Гриффорд. Не вмешивайте в это ментора!

Демиург откровенно забавлялся. Он наблюдал за мной из-под полуопущенных век и, кажется, не внял ни единому слову. От этого злость только разгорелась разрушительным пожаром – захотелось врезать по довольной физиономии, стереть с его лица эту насмешку.

– Я даже не пытался намекать на его личность, – усмехнулся господин Демиург. – Ты сама сделала выводы и начала их опровергать. Кого ты убеждала сейчас в своей правоте, Юна? Саму себя?

– Вы назвали его непогрешимым ментором! – захлебнулась я возмущением. – И говорите, что не пытались намекать на то, что он – Кирмос лин де Блайт!

– Я имел в виду лишь то, что для тебя ментор – безусловный авторитет, хотя ему ничего не стоило заслужить твою преданность, – он подался вперёд, сцепил руки в замок. – Женщины любят покровителей. Легко быть героем для одинокой сиротки, незащитной девушки и отвергнутой обществом пустышки. Гораздо сложнее сделать из неё самостоятельную личность.

– Это вы-то делаете из меня самостоятельную личность? – фыркнула я. – Я, скорее, пугало над стягом Ордена Крона, чем реально весомая его часть. Вы не даёте мне и шагу ступить без вашего присмотра и указания!

– А чего бы ты хотела? – спросил Демиург. – Какого участия? Власти? Принятия решений?

– Хочу биться бок о бок с солдатами, – уверенно выдала я. – На своей шкуре ощутить, каково это – сражаться за свободу. Позвольте мне хоть раз внести реальный вклад в дело Ордена и сделать то, что я умею.

– Я плохой воин, – задумчиво ответил Демиург, – поэтому мне трудно разделить твоё стремление наносить увечья и отнимать жизни. И уж тем более – понять тягу к неоправданному риску.

– Это не ради моего удовольствия, – постаралась я объяснить как можно спокойнее, – а ради людей. Ради квартирндцев, которые готовы умереть за свою идею. Как и я.

– Жертвы, – понятливо кивнул Демиург и встал. – Они полны романтики. На деле это всего лишь инструмент управления. Один из. – Он подошёл к прозрачному ящику с бабочками и тихонько постучал пальцем над ярко-красной красавицей. – Если и разменивать жизнь, то награда должна быть достойной собственной смерти. Вряд ли ты сможешь квартирндцам, бессмысленно погибнув в случайной стычке.

– Господин, – в кабинет заглянула напуганная девица в кружевной маске. – Гости уже в сборе, ждут начала торжества.

Она с ещё большим ужасом оглядела своего господина, а затем с неприязнью – меня, будто именно я являлась причиной задержки.

– Дай мне несколько минут, Юна, – Демиург заторопился к выходу. – Приведу себя в порядок, и мы спустимся на маскарад. – У дверей он всё-таки задержался: – Я подумаю над твоей просьбой и её выполнением. Но сейчас нас ждут другие дела.

– Приятно познакомиться, господин Плессир! – я согнула ноги в коленях и опустила голову, имитируя поклон. – Рада видеть вас на празднике.

– Очаровательно! – приложился к руке подслеповатый старичок и поднёс к глазу пенсне: – А кто ваш спутник?

Господин Плессир был без маски, но в высоком тяжёлом парике, увенчанном золотой короной. При каждом поклоне волосная конструкция так и норовила свалиться с головы старика на того, кому не повезло оказаться его собеседником. Я предусмотрительно сделала полшага назад и покосилась на Демиурга.

– Таинственный благодетель, как и вы, – выдала я заученную заранее фразу.

Старичок оказался доволен ответом, как и стоящий рядом Демиург, сделавшийся на удивление молчаливым. В отличие от моей, маска создателя Ордена Крона почти полностью скрывала лицо, демонстрируя взору лишь подбородок с неизменной ямочкой.

Господин Демиург за короткий срок обрёл положенную безупречность: успел отмыться от грязи, переодеться в подбитый пурпуром камзол и обернуть вокруг шеи шарф из тонкого полотна, завязав его в пышный бант и пустив концы на грудь. Ноги мужчины украшали туфли с золочёными пряжками, а перстни на длинных пальцах прятались под кружевом манжет. Но и этого показалось недостаточно для преображения: волосы Демиурга побелели, а в прорезях маски снова мелькали одинаковые глаза – тёмно-фиолетовые. Судя по количеству схожих образов, пломпами решили воспользоваться многие: создавалось впечатление, что мёртвые Иверийцы не просто восстали этой ночью, но ещё и заметно расплодилось.

Господин Плессир отошёл, увлекая за собой молодую остроносую девушку с тяжёлыми серьгами. Из толпы тут же возник ворчливый Минестл, недовольно почёсывающий длинную бороду.

– Добро пожаловать на праздник, господин Минестл! – процедила я сквозь зубы.

От улыбки болели щёки, и всё же при виде казначея я с усилием растянула уголки губ. Изображать радушие было труднее, чем шагать по Гриффорду в сопровождении толпы солдат, но я старалась изо всех сил, кочуя вслед за Демиургом от столика с угощениями к открытым настежь дверям и окнам. Из поместья лились свет и тепло, выбегали слуги с подносами, доносился смех и сплетни. Широкая площадь, на которой когда-то мы ужинали вдвоём, сегодня была забита гостями.

– А, Юна! – проскрипел неприятный бородач. – В таком виде, пожалуй, я бы смог продать тебя даже в Тимберию за мешок кристаллов.

Селован Минестл не потрудился нарядиться в костюм, а лишь накинул королевскую мантию на одно плечо. Видимо, решил, что правителям прошлого и этого будет достаточно.

– Теперь Орден Крона заплатит за меня дороже, – едко ввернула я, запрокидывая голову.

Так стало немного легче. Громоздкая причёска тянула виски, запах цветущих растений врезался в ноздри.

На террасе было тепло, как в погожий весенний день. От пестроты и духоты кружилась голова. Что за глупая традиция – тратить магию на буйное цветение в разгар зимы! Цветы были повсюду: в каменных вазах, в низких кадучках вдоль забора, на ближайших клумбах, специально расчищенных от снега к празднику. Вдобавок мелкие птички перелетали с куста на куст и тоненько верещали. Птиц привезли с юга специально ко Дню Династии.

– Оставлю тебя ненадолго, – Демиург заметил кого-то у алых ворот и в мгновение ока смешался с толпой.

А я была только рада остаться в одиночестве. Насколько это вообще возможно посреди шумного праздника.

Маскарад разгорался, подобно лучине, и я находила в нём некоторую прелесть: загадочные маски вокруг интриговали, злословили, хохотали, оставаясь неузнанными. Была в этом нарочитом притворстве изощрённая свобода от чужого мнения и от самого себя. Расшитые жемчугом высокие шляпы, перья, драгоценности, блеск атласа, сверкающие маски скрывали лица и намерения. В День Династии лживых королей мне казалось это особенно уместным. Каждый третий не поленился воспользоваться магией преображения, чтобы приобрести вид правителя – мне встретилось несколько прекрасных Мелир, парочка вооружённых Галиофов

и даже выбеленная пудрой болезненная Везулия. А уж Тибров Иверийских было не счесть: минимум, пятеро, включая Минестла, седина которого и без пломпа походила на цвет волос великой династии.

Я снова запрокинула голову и растёрла уставшую шею. Сощурилась от яркости. Сотни фонарей, казалось, парили надо мной в воздухе – их привязали к деревьям и натянутым над головами верёвкам. За спиной тут же возник Тать с грязно-бурым лицом и серебристой повязкой на голове. Пышная борода его была причёсана и выкрашена в зелёный цвет.

– Развлекаешься, мелкая? – он шагнул к столику с угощениями, резво опрокинул стакан и зажевал куриную ножку.

– Тебя послали следить за мной? – без интереса спросила я.

С обеда во рту у меня не было ни крошки, но есть не хотелось. Наоборот, нутро сжималось и сворачивалось от неприятных ощущений, ленты туго давили на рёбра. Но я всё же набрала полную ладонь гладких виноградин и горсткой отправила в рот.

– А чего за тобой следить? – Тать был в весёлом настроении и низко хохотнул: – Ты и так на хвосте целый Квертинд водишь.

– Что с Гриффордом? – я поперхнулась и даже жевать перестала, вспомнив о вчерашнем дне. – Успели вывезти? А если и за вами тоже следили?

– Господин самого Мэндэля перехитрить может, ясно? – хмыкнул Тать и перевёл тему: – Ну, как тебе здесь?

На главной аллее у святилища Нарцины сверкнули вихрем искры, и толпа громко заверещала. Оркестр грохнул бодрой музыкой.

– Скучно, – пожаловалась я. – Никого не знаю. Да и меня, кажется, мало кто знает. Не понимаю, зачем Демиург притащил меня сюда.

– Тише, тише, – вскинулся Тать, озираясь. – Ты язык-то попридержи, мелкая. Не стоит называть господина, даже если нас никто не слышит, – он откусил ещё кусок и указал обглоданной ножкой в сторону: – Вон тот, в шлеме рыцаря, видишь?

– Рядом с витой колонной? – я привстала на носочки, поскольку обзор загораживала дамская маска с высоким пучком ярко-синих перьев.

– Он самый. Молодой князь Велисмунд Веллапольский. Последний из княжеского рода. Приехал тайно на маскарад, чтобы почтить Орден своим присутствием, – Татовский сунул мне в руки бокал вина.

– Почему тайно? – я охотно вовлеклась в сплетню и глотнула напиток.

– Велисмунд поддерживает сопротивление, – Татовский тоже выпил. – Те, кто сомневаются в служении Ордену, могут склониться на нашу сторону, узнав в рыцаре столь могущественного покровителя.

– Всё равно не понимаю, при чём тут я, – я отвернулась, глотком осушила бокал и схватила пирожное с лимонным кремом.

Хмель почти мгновенно ударил в голову. Я крепко зажмурилась, прогоняя внезапное опьянение, и уставилась вдаль – туда, где невозмутимый дворецкий наполнял черпаком бокалы из сверкающей изумрудными гранями вазы. Зелёная жидкость пенилась и пузырилась, однозначно выдавая «полынный шторм». К диковинному напитку выстроилась целая очередь: еще один белоголовый Тибр в парадной мантии, вертлявая женщина пышного телосложения в цветастых шароварах, человек непонятного пола в глухой расписанной золотом маске...

– ...представь, она каждый свой день начинает с бокала игристого баторского вина, который вносит в её будуар приезжий воин из таххарийцев, – высокая леди с розовыми волосами и блестящей алмазной рыбкой-заколкой протиснулась между мной и Татем. – Должно быть, ей до отвращения надоел собственный муж.

Женщина-русалка одарила меня надменным взглядом, пригладила переливчатые чешуйки на обтягивающей юбке и отвернулась к подруге.

– Ведь бывает же так, чтобы надоел собственный муж! – рассмеялась её закутанная в прозрачный шёлк спутница.

– Нет любовника выносливее искусного воина, ясно? – вступил в разговор Тать, сверкнув своей самой очаровательной улыбкой.

Обе кокетки игриво скользнули взглядами по крепким плечам Татовского и даже не испугались его кривой рожи. Возможно, решили, что она – часть костюма.

Я закатила глаза и оставила бойца развлекаться флиртом с высокородными красавицами. Отошла в тень вьюнка с неестественно крупными цветами, прихватив с собой ещё один бокал вина.

Напиться – отличная идея на сегодняшний вечер. Хоть этим унылый праздник в Приюте Ордена выгодно отличается от танцулек в бестиатриуме.

Я набрала полный рот вина, безуспешно искала глазами Демиурга, рассмотрела вязь татуировок на полуобнажённом теле с головой медведя и... наткнулась взглядом на высокую мужскую фигуру с руками кровавого мага.

Протолкнув напиток в горло и отступив ещё дальше в тень, я инстинктивно напряглась. Хотя с чего бы? Просто кто-то из гостей оказался столь оригинален, что, вместо Иверийца, решил нарядиться Чёрным Консулом. День Династии и маскарад вполне это позволяют.

И всё же... странно.

Словно нарочно демонстрируя почерневшие на предплечьях вены, незнакомец повыше закатал рукава белой сорочки. Он о чём-то оживлённо беседовал с важным господином, а я никак не могла отделаться от ощущения, что знаю каждый волосок на его теле, каждый шрам и каждый изгиб. Что он и есть моя судьба, которую я искала среди тысяч лиц, в шумных звуках боя и в тишине библиотечных ярусов.

А моя судьба... всегда была рядом.

Вино моментально показалось кислым, и я выплюнула его в ближайшую вазу с камелиями. Живот скрутило резкой болью, а затылок полоснуло так, словно кто-то дёрнул рывком за волосы.

Теперь я с жадностью изучала мужскую спину. Пыталась найти подтверждение своему ошибочному узнаванию, но только сильнее притягивалась к нему. Неосознанно – как тянется слепой котёнок к запаху молока.

Бывает, смотришь на человека – и глазами выделяешь его из тысячи, потому что в его движении, в коротком повороте головы, в том, как пальцы обхватывают бокал с полынным штормом, и даже в том, как вздымается его грудь при дыхании, видишь самый близкий на свете образ.

«Это он», – подал голос Каас, приглушённый тканью пышной юбки.

– Это не он, – вслух сказала я и тихо двинулась по кругу, чтобы заглянуть незнакомцу в лицо.

Оно, как назло, оказалось скрыто под маской. Такой же чёрной, как его волосы и руки. Мужчина резко развернулся – и в этот момент, вглядываясь в хищный профиль зловещей маски, я вдруг отчётливо поняла, что это не мой ментор. Что сознание снова и снова играет со мной полюбившуюся злую шутку, которая каждый раз работает безотказно. А я, как глупая и доверчивая кукла, легко поддаюсь на эти игры разума, позволяя эмоциям управлять собой. Даже не пытаюсь рассмотреть под высоким воротником чёрного паука, я резко развернулась и почти на ощупь двинулась прочь – вниз по каменной лестнице, ведущей прочь от террасы.

На высокой стене по правую сторону то и дело вставали тени, но я не остановилась. Наоборот – ускорила шаг, перепрыгивая через ступеньку. В воздухе праздничной ночи разливалось уже не волшебство – мистика и тревога. Я бежала прочь от своего главного страха, не позволяя ему вновь завладеть мной. По мере спуска влажная духота сменилась зимней прохладой, и это отрезвило разум. Потянуло сыростью и снежным холодом.

Я с разбегу припала к резным воротам, запутавшись в платье и тряхнув выбившимися прядями. Сорвала маску, глотая морозный воздух, как исцеляющий эликсир. По ту сторону ограды сверкнула подмёрзшая гладь озера – спокойного, тёмного. Похожего на Фарелби. Отчего-то впервые за всё время захотелось домой.

И ещё захотелось... О Ревд, просто до рези в глазах, до острой боли в сердце захотелось увидеть Джера! Так сильно, как никогда раньше. Прямо сейчас, немедленно, чтобы он оказался рядом. Больше всего на свете, больше, чем могущества или победы над Иверийским гнётом, больше самой отчаянной мести. Кажется, в этот миг я променяла бы всё на свете только за то, чтобы...

– Юна? – раздалось сзади.

Я прикусила губу и посильнее стиснула сумку, ощущая сквозь пушистую ткань очертания бестолкового, нелепого хоботорога. Три вдоха по три секунды. Это всё вино. Я перебрала с хмельным напитком и поддалась чувствительности. Стоило взять себя в руки и вернуться в реальность.

Я обернулась и посмотрела на крепкую фигуру мужчины в самом начале лестницы. За его спиной свет заливал пространство террасы, мелькали люди. Отсюда, из темноты, я, пожалуй, могла и его принять за своего ментора.

– Господин ищет тебя, – сообщил Тать.

– Иду, – устало выдохнула я и подняла юбки, чтобы взобраться обратно в пекло маскарада лицемерия.

Дурацкие юбки! Ненавижу платья! Всегда знала, что дамская одежда – сплошные ограничения и неприятности. Ещё и маска эта... Глупости. Так и не надев лисью морду, я просто выкинула её в мокрый сугроб. Всё равно не умею притворяться. Ещё и сумку с хоботорогом хотела выбросить следом, но всё-таки пожалела.

– Гостей в этом году будет развлекать менестрель, – Тать сжал мою ладонь и дёрнул так, что я чуть не пропахала носом побитые замшелые ступени. – Гений Тибрийский. Слышала когда-нибудь?

– О-о-о-о, – улыбнулась я внезапной догадке, порадовавшись тому, что могу отвлечься. – Много, много раз.

– Серьёзно? – недоверчиво скривился Тать.

– Обожаю его, – поведала я чистую правду.

– Никогда бы не подумал, что ты разбираешься в музыке, – голос Демиурга зазвучал совсем рядом.

Создатель ждал у ограды. Довольный, расслабленный и таинственный. Так и не скажешь, что всю ночь провёл на ледяном острове и в нервном напряжении. Я даже позавидовала его умению держать себя, не выдавая усталости.

– Я ещё смогу вас удивить, – пообещала я.

Татовский буквально сдал куклу Юну Горст с рук на руки – видимо, всё-таки получил задание следить за мной на празднике. После мозолистой, сухой и горячей ладони Татя касание прохладных рук Демиурга показалось изысканной лаской. Он нежно прошёлся кончиками пальцев по моему запястью, как всегда, не придавая большого значения прикосновению. Но я отчего-то вздрогнула. Должно быть, впечатлилась недавним видением и общей атмосферой торжества.

– Идём, – господин взял меня под руку и повёл сквозь толпу.

Я покорно двинулась рядом, подстраиваясь под его шаг. Завертела головой во все стороны, стараясь найти того кровавого мага в толпе, но тщетно. Вот темноволосый мужчина в белой сорочке, но ниже ростом и толще. У столика с пирамидой бокалов ещё один брюнет с почерневшими руками наслаждается десертом. Не тот. Ещё один, схожего роста и образа, веселит стайку торжественно-нарядных масок. Тоже не он.

Увлечшись, я не заметила, как мы пересекли площадь и остановились ближе к притихшему оркестру – в тени беседки, увитой розами. Вид отсюда открывался не самый удачный, зато пышный куст с нежными бутонами служил отличным укрытием. Запах роз впился в ноздри, привычно вызывая знакомую дурноту. Я уткнулась носом в мужское плечо, чтобы заглушить навязчивый аромат. Демиург от неожиданности отпрянул – посмотрел удивлённо и как-то... с недоумением. Но потом воспользовался положением и деликатно приобнял меня за талию.

– ...из самой столицы Квертинда! – донёсся голос Марианны из-за спин собравшихся в круг в гостей. – Великий король баллад и повелитель слова – Гений Тибрийский!

Явление барда встретили весьма сдержанными аплодисментами, чему он ни капли не смутился. А я захлопала громко и яростно, отчего стоящая впереди леди в кружевной полумаске обернулась и скривила губы. Ну и пусть. Зато бард легко нашёл меня в толпе и, сняв свой жёлтый берет, задорно поклонился до самого пола. Довольная, я помахала ему и улыбнулась. Может, это было нарочито, но просто необходимо мне сейчас.

Тренькнули струны, утихомилив толпу, и после короткой паузы в воздухе разлилась напевная, проникновенная, знакомая мне до каждой нотки мелодия. Я мгновенно погрузилась в сладкое забытие, в полудрёму, и была готова услышать голос Сирены, поющей о том, как сладок сна конец... но вместо неё запел бард. Высоким, бархатистым голосом умелого сказителя:

Смотри же на себя чужим, холодным взглядом.
Кем стала ты теперь, и служишь ты кому?
Не свет горит в тебе, а месть коварным ядом
Всё манит и влечёт к душе пропащей тьму.

Могла бы ты пойти дорогой чести доброй,
Со смертью не играть, судьбе не возражать.
Но, сделав выбор раз, ты больше не способна
Стать той же, кем была, и двинуть время вспять.

И вновь перед тобой есть два пути опасных.
Какой из них верней – не знает даже тот,
Кто проклял королевство божественною властью,
Кто Квертинду сулит трагический исход.

Влечёт тебя туда, где новые вершины
Горят во тьме ночной сиянием любви,
А долг зовёт к мечте, заветной, нерушимой:
Погибелью врага закон установить.

Две правды, две судьбы, две разные дороги
Ведут в один конец, одна другой темней.
Но с кем разделишь жизнь в финальном эпилоге?
Чей Квертинд для тебя окажется важней?

Дивная мелодия струилась сквозь толпу, вытягивала на поверхность самые сокровенные чувства. Гости притихли, замороженные лирической балладой и талантом Гения Тибрийского. И я тоже притихла. Пропали мысли, сомнения, тревоги. Душа как будто исцелилась от всякого недуга и взмыла вместе с высокими нотами к ярким фонарям над нашими головами.

Я не могла оторвать взгляд от пальцев барда, между которыми сверкали золотистые искры. Он создавал свою балладу на глазах сотни зрителей, и это было невероятно. Но ещё невероятнее было то, что менестрель будто бы пел специально для меня – и пел о чём-то важном. Он не сказал ничего конкретного и в то же время сказал так много! Как будто сулил мне роль путешественницы, стоящей на перепутье. В его песне было послание, откровение и предсказание.

Из оцепенения я вышла одновременно с окружающими и почти побежала со всеми к исполнителю загадочной баллады – туда, где автор принимал заслуженные комплименты. Но Демиург удержал меня, силой заставив остаться на месте.

– Не спеши, – негромко сказал мужчина. – Менестрели являются на подобные торжества, чтобы выразить почтение хозяевам, но никак не наоборот.

Он едва заметно повернул голову и шепнул что-то молодому парнишке, стоящему позади. Тот резво сорвался с места, выждал удобный момент и буквально умыкнул барда из-под носа восторженных зрителей.

– Сегодня волшебная ночь, – шепнул мне Демиург на ухо перед тем, как Гений Тибрийский предстал перед нами. – И я исполняю твои желания.

Ответить что-то колкое я не успела, поскольку меня окатило волной обаяния от лучезарной улыбки барда. Он прижимал вензельную лютню, как ребёнка, и светился такой чистой радостью, будто магия Нарцины была сродни кровавой. Невероятно заразительно!

Я чуть было не кинулась обниматься, но вовремя вспомнила, что играю роль спутницы хозяина маскарада, поэтому должна быть достойной почтения.

– Гений Тибрийский! – искренне улыбнулась я в ответ. – Последний раз мы виделись ровно год назад. Ты тогда исполнял «Балладу будущего короля». Помнишь меня?

– Юна Горст, – чарующим голосом пропел бард и приложился к моей руке. – Ваше имя не изменилось, но за этот год вы, подобно утёнку, превратились в прекрасную лебедь.

– Это комплимент? – опередил мою благодарность Демиург.

Безымянный бард вздрогнул от его голоса и посерьёзшел, будто незамысловатый вопрос был укором или угрозой.

– Уверена, что да, – ответила я за барда. – Этот музыкант просто не знает другого способа общения с женщинами.

От похвалы я немного смутилась, пригладила причёску и попыталась скрыть шрам на предплечье, одним боком спрятавшись за Демиурга.

– Моей спутнице нравится ваша баллада, – повелительно сообщил Демиург. – Вы пришли на праздник один?

Он взял с ближайшего подноса высокий бокал на тонкой ножке и предложил барду. Тот охотно принял напиток, жадно приложился и одним глотком влил в себя лучшее баторское вино. Резко выдохнул хмельные пары и с жаром ответил:

– Эта баллада и есть моя спутница в любом приключении!

– Скажите же сами: хороша ваша спутница или дурна? – Демиург снова меня опередил, явно наслаждаясь беседой и положением.

– Разве может бард судить своё творение? – без шуток ответил музыкант. – Оно всё равно что дитя для матери – любимо в любом облики.

– И кому же вы предлагали её на суд? – напирал Демиург.

– Самым строгим и могущественным ценителям, – менестрель уважительно поклонился, стасив с головы берет и мазнув длинным пером каменные плиты. – Вроде вас.

– Неужели? – рассмеялся Демиург. – И вы знаете, кто я?

– Конечно, Ваше Величество, – подтвердил бард, надевая обратно нелепую шапку, цветом схожую с моей сумкой. – Вы – Дормунд Иверийский, величайший король Квертинда и его пределов!

– Такой уж величайший? – хитро прищурился создатель Ордена Крона.

– Настолько, насколько позволяют баллады, – слукавил музыкант.

Неожиданная разговорчивость Демиурга удивила меня. Я с открытым ртом следила за странной перепалкой, пытаюсь уловить суть. Кажется, они оба говорили на ином языке, понимая какие-то скрытые смыслы слов и предложений.

– Вы хитрее, чем пытаетесь выглядеть, – не то похвалил, не то уличил Демиург. – И баллады ваши похожи на пророческие. Может, вы тот, кто стоит за спинами квертиндцев? Тот, кто способен одним словом изменить судьбу королевства?

– Я обычный бард, – Гений Тибрийский сам взял ещё один бокал с подноса, подумал и схватил наколотый на вилку кусок сыра. – Барду надлежит рассказывать историю, но не вмешиваться в её ход. Отдаваться последовательности и не перечить богам.

– Ну что ж, – потерял интерес Демиург. – Тогда призываю вас отдаться во власть хмеля и насладиться праздником!

Бард взглянул осолопевшим взглядом, снова принялся слюнявить мою ладонь и хотел ещё что-то добавить, но внезапно мир погрузился во тьму. Все фонари разом погасли, лишив меня зрения. Над толпой прокатилось громкое «Ах!» Я напряглась и рывком задрала юбку. Схватила за рукоять Кааса, пытаюсь разглядеть хоть что-то в этой крошечной темноте.

Справа, шагах в двадцати, зазвенел тоненьким переливом колокольчик. Я дёрнулась, готовая к любой неожиданности. С другой стороны тоже послышалась звучная трель, будто маленькая птичка ответила на зов своей подружки. Рука крепче сжала кинжал. Новый звон раздался совсем рядом, и на мою ладонь на рукояти Кааса легла прохладная рука Демиурга. Он осторожно убрал наши руки от оружия. Кончики мужских пальцев скользнули по бедру, как капельки воды стекают по коже, и бережно вернули ткань юбки на место. Всё моё тело немедленно покрылось крупными мурашками.

– В Иверийском замке торжественный бал по традиции начинался с колокольчиков, – губы Демиурга коснулись моего уха. – После чего король с королевой открывали вечер первым танцем.

Колокольчики пели теперь отовсюду: десятки и сотни переливов заполняли душную ночь волнительным предвкушением. Вместо фонарей вспыхнули редкие свечи, освещая блеск нарядов, играя бликами драгоценностей. Торжественная толпа пришла в движение. Казалось, восторженный трепет на лицах проступает сквозь маски.

– Прекратите! – я часто задыхалась от волнения, духоты и прикосновений. – Я не хочу танцевать, если вы намекаете на это. Ни с вами, ни с кем-либо ещё.

К счастью, я неправильно поняла намёк. В центр освободившейся площади вышел Селован Минестл, ведущий под руку Марианну. Оркестр подхватил их движение, и первая пара закружилась в стройном, торжественном и величественном ритме по кругу. Ледяной порыв принёс вихрь снежинок, и они сверкающим кружевом взметнулись из-под юбки прелестной танцовщицы.

Следующие пары включились в медленный, плавный вальс и закружились, как стрелки по циферблату. Я на секунду и правда ощутила себя в королевском замке. Пестрые, блистательные гости вставали в ряд мерцающими тенями. В тусклом свете свечей это выглядело таинственно и завораживающе.

– А чего ты хотела бы прямо сейчас? – так же близко и тихо спросил Демиург.

Околдованная нарядным вихрем танцоров, я вообще забыла, что он рядом. И даже не сразу услышала вопрос. Но через минуту всё же честно попыталась задуматься о желаниях.

Первой мыслью было – снять неудобные тряпки, оказаться в привычной форме академии и при оружии.

Второй – найти Кирмоса лин де Блайта и прикончить одной смертоносной стрелой.

Но, когда я подняла голову к неожиданно ярким звёздам, невидимым до этого момента из-за слепящих фонарей, я вдруг вспомнила о желании, которое загадала под Красной Луной. И которое загадала ещё раз, мысленно... пятнадцать минут назад. Ладонь сама собой метнулась к чёрному пауку, слишком приметному на фоне открытых плеч.

– Ты несносно предсказуема! – засмеялся Демиург, и я отпрянула. – В самом деле, я даже не ожидал, что будет так легко.

Я впиалась в него прищуренным, злым взглядом. Опять он за своё! Читает мои мысли и отвечает на них до того, как они успеют оформиться в сознании. Возомнил себя знатоком человеческих душ! И непонятно, где начало его игры, а где конец. Там, в кабинете, когда мы были наедине, на секунду, на крохотное мгновение мне показалось, что я видела этого человека настоящим, живым. Что мы даже стали как-то близки. Впрочем, всё, что происходило сегодня, было ложью, обманом, мороком. Из-за атмосферы праздника я легко поддавалась эмоциям, которые никогда бы не позволила себе в любой другой день.

– Не боишься, что твоё желание сбудется? – яркие глаза оглядели толпу танцующих, словно мы говорили о том, как прекрасен маскарад и праздник.

– Я смеюсь в лицо опасности, – подняла я уголок губ. – Кажется, вам это я ещё не говорила.

– Наслышан, – он положил пальцы на мой затылок.

Отвратительно властный жест, от которого хотелось подсесть нахала и врезать по почкам. Но я только протестующе подняла плечи.

– Я ведь сказал уже, что сегодня исполняю твои желания, – он с силой повернул мою голову к себе, заставляя смотреть в глаза. – Даже самые невероятные. – Взгляд Демиурга был таким колючим и обречённым, что я растерялась и не стала сопротивляться. – Потанцуй со мной.

– Это вряд ли, – я всё же отвернулась, выискивая глазами поднос с бокалами вина. – У меня на этот вечер другие планы. – Подумала над изяществом отказа и добавила: – Это точно не то, чего я желаю. Танцы не приносят мне удовольствия. У меня совсем нет к ним таланта. Боюсь, это испортит вечер не только мне, но и вам.

Вот так. Магистр Банфик могла бы мною гордиться. По крайней мере, я только что отказала господину Демиургу и при этом не чувствовала себя обречённой мышью под лапой сытого кота.

– Я всё же настаиваю, – мужчина перехватил мою руку, тянущуюся к бокалу. – Не пове-ришь, как много можно в танце узнать о желаниях. Своих и чужих. Из меня плохой воин, но хороший танцор. Ты останешься довольна итогом. Я ведь ещё ни разу не подводил тебя, Юна.

Слабая попытка вывернуть руку не принесла успеха. Собственное имя, произнесённое голосом Демиурга, отчего-то прозвучало убедительным аргументом. Ему удалось меня заинтриговать.

Клянусь, я не хотела танцевать, но с каждой минутой, проведённой на веселящемся карнавале, с каждой новой нотой музыки я всё сильнее и сильнее ждала чуда. Хотелось довериться этому мужчине под маской, как уже доверилась однажды – в нашу первую встречу. Хотелось послушаться его. Позволить вершить волшебство: ведь он был способен на него и творил невозможное! Он знал всё о моих мыслях. Пожалуй, даже больше меня самой. Может, и о желаниях тоже?

Всё нутро вопило, что не нужно поддаваться. Более того: на место тоскливого безразличия пришёл страх – дикий, отупляющий страх перед тем, кого боялся весь Квертинд. Как тогда, в театре. Всё повторялось: музыка, его власть надо мной и... острое влечение. Мощное, как кровавая магия. Торжественная мелодия манила к мужчине, делала его центром мира. Шептала: «Шагни в объятия, позволь ему сдержать слово».

И я шагнула.

– Отлично, – улыбнулся Демиург, крепче сжимая мою ладонь.

– Предупреждаю, – предприняла я последнюю попытку отказаться. – В танце даже капран изящнее, чем я.

– Не думай об этом, – он коснулся губами моего лба. – Я помогу тебе.

От неожиданного поцелуя я прикрыла глаза. Но сразу же широко распахнула: нельзя поддаваться обаянию господина Демиурга! Все вокруг – марионетки в его спектакле, и сегодня у меня роль одной из них. Нужно помнить о том, кто я на самом деле, и сопротивляться паутине собственных незнакомых эмоций.

– Станете героем для несчастной леди, не умеющей танцевать? – хотелось вложить насмешку, но голос сорвался на хриплый писк.

– Только проводником для её чувственности, – он убрал ладони, чтобы развязать бант на шее, и я выдохнула напряжение.

Между тонких мужских пальцев белой змейкой скользнул шелковый шарф.

– Это... – голос всё ещё хрипел, и я прочистила горло. – Это зачем?..

В ответ Демиург приложил палец к моим губам, призывая к молчанию, обошёл меня по кругу и завязал глаза. Мир снова пропал, как недавно перед звоном колокольчиков, но теперь я остро ощущала лопатками близость мужчины.

– Вальс в темноте, – едва слышно выдохнул он, и мои губы сами собой раскрылись от внезапной робости. – Ты прекрасно владеешь движениями своего тела, но игнорируешь его желания. Не думай о том, как танцуешь. Забудь про разум. Доверься мне, Юна.

Мне ничего больше и не оставалось. За неимением зрения, единственным ориентиром в гроыхающем музыкой мире оказалась рука господина Демиурга. Он притянул меня ближе, обхватил нежно, едва касаясь, и увлёк за собой.

Я всё ещё боялась. Всего на свете: его, себя, ставших вмиг зловещими масок и пронизывающей музыки. Боялась наткнуться на кого-то в своей слепоте или просто упасть, поэтому прижалась теснее, ощущая мужское тепло и улавливая чужие движения.

Демиург сделал шаг, и я легко, даже охотно подалась следом, словно и в самом деле была марионеткой, привязанной к пальцам кукловода. Только нитями служили мои нервы, что звенели струнами в такт чарующему вальсу.

Вот и всё. Я шагнула не в мужские объятия, а в пропасть, куда летела теперь, набирая скорость. Как просто, оказывается, стать одной из театральных кукол господина Демиурга! Одной из тех почитательниц, что становятся на колени и целуют перстень. Чем я отличалась от них? Да ничем. Для меня согласие на танец было гораздо более серьёзным шагом, чем колени-поклонение.

Рука мужчины легко, почти невесомо сжимала мою талию, и я двинулась сама вслед за ним ещё до того, как он задал направление. Знала, куда он хочет вести, чувствовала телом, как напрягались его мышцы под одеждой, как двигались его бёдра, и как он переносил вес, чтобы сделать следующий шаг. И хотела, чтобы он не останавливался.

Мой незримый партнёр не требовал, не давил, не толкал, но я подчинялась его молчаливым командам мгновенно, словно мы проделывали это вместе тысячу раз. Каждый поворот горячил кровь и заставлял сердце биться быстрее. Меня вели какие-то древние женские инстинкты, что завладели телом. Или это Демиург владел им сейчас даже больше, чем я сама?

И этот запах – свечей, цветущего сада, вишневого бренди и меня самой – дурманил и распял ещё сильнее. О да, мне хотелось ещё. О боги! Мне хотелось танцевать. Хотелось остаться такой – в этом трепете, в этом лёгком хмеле и слепом мире, где я была наедине с собственными ощущениями и лёгкими касаниями мужчины, который пугал меня. Пугал и... бесконечно манил.

Голос оркестра взобрался по высоким нотам, застыл где-то на вершине мелодии, и моя опора на миг пропала.

Я пошатнулась, потеряла равновесие и... в мой иллюзорный, невесомый мир вторглись требовательные, жёсткие и очень злые объятия сильных рук.

На секунду мне показалось... нет, я даже понадеялась, что Демиург позволил себе стать настойчивее. Но осознание, как назло, в этот раз не запаздывало, а опережало мысли. Оказалось, тело обладает не только инстинктами, но и памятью... что моментально подтвердил новый вдох, принёсший мне с родным и до боли знакомым запахом однозначное подтверждение.

Я застонала от досады и ужаса, потому что поняла, что это больше не Демиург.

– Джер, – выдохнула я и сорвала повязку с глаз.

Это был он.

Сейчас, сжимающий меня в объятиях, и тогда, когда я взглядом признала в Чёрном Консуле своего ментора. Хищная маска. Кровавые руки мага. Знак соединения на шее.

Нет. Нет! Нет!!!

Я распахнула глаза от потрясения и страха, задохнулась и рухнула бы прямо здесь, если бы крепкие тиски мужских рук отпустили меня хоть на секунду. Мы стояли прямо посреди танцующей площади. Тихая музыка зазвучала громче, быстрее и разогнала и без того бешеный ритм сердца.

Слова застряли в глотке вместе с криком. Я бы могла расплавиться от стыда и гнева, который горячими, острыми волнами выплёскивался сквозь кожу Джера. Или он смял бы меня, как мягкий воск – настолько сильно, до боли, сжимал моё тело, ещё минуту назад подчинявшееся Демиургу.

– Ты недооцениваешь мои клятвы, Юна, – в злом рокоте голоса не было ничего от моего ментора.

Не дожидаясь ответа, он крутанул меня так, что я едва устояла. Оттолкнул от себя прочь, будто ненужную вещь, но когда я уже летела вниз на каменные плиты – поймал и снова прижал к себе, крепко прижал лицом к груди.

– Помнишь, я говорил, что никому не позволю влиять на тебя? – прошипел над макушкой.

Качнулся в такт музыке вместе со мной, развернул резко – так, что ткань юбки хлестнула меня по голениям. Легко положил руки на плечи и обжёг шею дыханием.

– Даже если ты сама настойчиво ищешь чужого влияния, – сквозь его шёпот сочился яд. – Не пытайся от меня убежать.

Почувствовав свободу и подгоняемая животным страхом, я рванулась прочь, но Джер схватил меня за запястье. Я едва не взвыла от боли: мужские пальцы впились в обнажённую кожу, как зубы икша. Он снова рывком развернул меня к себе – и я оказалась лицом к лицу с ментором. С ментором, абсолютно изменившимся к маскараду: с тёмными волосами, мутациями кровавого мага и агрессивной яростью в жуткой черноте огромных радужек. Непроизвольно я изогнулась, отклонилась назад так сильно, как только могла. Он навис надо мной ожившим кошмаром.

И в этот миг я очнулась.

Раскаяние и ярость вырвались крупной дрожью. Я попыталась оттолкнуть от себя Джера, затрепыхалась пойманной птицей. Упёрлась в подбородок, замолотила руками и ногами, надеясь попасть хоть куда-нибудь. Сгруппировалась, попробовала ударить каблуком по мужской голени или коленом в пах. Любой подлый приём, только бы он меня отпустил...

– Мне казалось, сегодня ты полюбила танцы, – издевательски ухмыльнулся Джер, легко уворачиваясь от моих нервных попыток ему навредить. – Или всё дело в партнёре?

– Нет, – всхлипнула я в ответ.

«Нет, дело не в партнёре». «Нет, я не полюбила танцы». «Нет, ты не можешь быть Кирмосом лин де Блайтом». «Нет, я не влюблена в Демиурга». «Нет, я больше не хочу продол-

жать». «Нет, ты не должен показывать ярость у всех на виду». «Нет, тебя просто не может быть в Приюте Ордена».

– Нет, нет, нет, – простонала я вслух, когда он выкрутил мои руки.

Пара слева остановилась, с недоумением и любопытством наблюдая за нашей борьбой. Рядом с ней застыли ещё двое танцоров – прикрылись ладонями и, кажется, потешались над диковинным зрелищем. Мы становились центром внимания.

– Отпусти, – взмолилась я.

Джер скрипнул зубами, подхватил меня на руки. Но я изогнулась, вывернулась ужом и даже попыталась укусить его за плечо.

Он гость в Приюте Ордена, а я – его часть. Я знаю двор и сумею спрятаться на просторах сада, в поместье или в стойлах. Только бы вырваться... Боги, дайте мне сил вырваться! Для меня сейчас не было ничего страшнее, чем остаться наедине с ментором!

Ещё немного... и я уже почти упала на каменные прогретые плиты двора, чтобы со всех ног рвануть в темноту, но Джермонд снова поймал меня. На этот раз позорно перекинул через плечо, как непослушного ребёнка, и быстрым шагом двинулся сквозь толпу. Обессиленный от шока и растерянности, я подняла голову и сдула с лица волосы. Теперь на нас смотрели все: маски и лица наблюдали за представлением, в котором у меня была роль уже не куклы, а жертвы. Казалось, все до единой нарисованные улыбки – ехидные, коварные, сочувствующие и насмешливые – предназначались мне одной.

Демиург стоял в тени беседки. На его руку опиралась мрачная Элигия. Она была без маски, но гримаса обиды и бессилия меняла красивое лицо до неузнаваемости. Ну конечно! Как я могла забыть! Это наверняка госпожа Велилььер привела Джера на маскарад в качестве спутника. Надо было скинуть её с облачного моста, пока была возможность!

Певичка рванулась вслед за нами, но создатель Ордена Крона удержал её, как недавно удерживал меня. Господин Демиург поймал мой умоляющий взгляд и довольно кивнул. Только теперь я поняла, что он исполнил моё заветное желание. Ведь больше всего на свете я желала, чтобы появился Джер и забрал меня с праздника, на котором я чувствовала себя лишней.

И в этот миг, глядя в глаза Демиурга и улетаая прочь от маскарада сплетен и буйного лицемерия, я осознала такую простую, но такую сложную истину: бойтесь своих желаний. Бойтесь, ибо они могут сбываться.

Невозможно смеяться в лицо опасности, если ею вдруг становится твоё сбывшееся желание.

Легко грезить о мечте, когда она кажется невероятной, далёкой и несбыточной. Но стоит ей воплотиться – и она может стать самой настоящей угрозой. От этого открытия ты теряешься настолько, что хочется вернуться обратно в томительное ожидание. Чтобы подготовиться, обдумать все лучшие и худшие стороны, встретить долгожданный момент своей жизни во всеоружии. Чтобы знать, что с этим делать и как это пережить.

Пролетать вниз головой мимо стен лабиринта на спине разъярённого ментора – не самая лучшая поза для встречи своей мечты.

Попытки выбраться из плена я оставила ещё в тот момент, когда мы нырнули в тёмное сырое нутро зелёных коридоров, прячась от сотен любопытных глаз. И не потому, что эти попытки были обречены на провал, а потому, что я вспомнила: убежать от ментора чёрного паука – плохая идея.

Сейчас я не только осознавала это, но ощущала всем сердцем, особым чутьём – Джер ни за что не отпустил бы меня. Менторские чувства и ответственность здесь были ни при чём: хоть он и имел безупречный авторитет идеального наставника, происходящее вряд ли можно было

назвать очередным уроком. Магистром владели исключительно звериные, мужские инстинкты, не поддающиеся никакой логике.

В этом-то и заключалась проблема.

Джер учил меня сражаться, нападать первой и бить наотмашь, а упав – подниматься и держать удар. В моих лучших грёзах я видела гордость в его глазах за мою победу в битве. Представляла, как мы встанем однажды на равных, бок о бок, быть может, в новой грядущей войне. Я внимала его наставлениям и гордилась тем, что оправдываю ожидания.

Ментор требовал подвергать аналитике каждое действие, вести переговоры и добиваться своих целей. Я успешно тренировала этот навык на всех, кого встречала на своём пути.

Мейлори Юна Горст под руководством Джермонда Десента стала одним из лучших бойцов курса и факультета, настоящим лидером собственной банды и легендой академии.

Да, хороший ментор научил меня многому.

Кроме одного: быть женщиной.

И сейчас, повисшая на его плече, распалённая безумными танцами и беззащитная перед его ревнивой яростью, я уже не смеялась в лицо опасности. Я тряслась от холода, липкого страха, лихорадочного возбуждения и ужасающего вида ментора. Хаотично отбивалась от громкого воя Кааса, стучащего кровью в висках: «Это он!» И пыталась сообразить, как же мне пережить свою мечту остаться наедине с Джером, неожиданно превратившимся из ментора в мужчину.

– Может, поставишь уже? – наконец не выдержала я, когда звуки музыки остались далеко позади.

Спросила без особой надежды на успех. Просто потому что тщетно пыталась справиться с пронизывающей паникой, которую Джер, конечно же, ощущал.

Но он поставил. Страхнул с себя так резко, что я чуть не сломала ногу при приземлении. Навис надо мной так же, как несколько минут назад в танце, впился чёрным, тяжёлым взглядом.

«Ты убила меня из-за Кирмоса лин де Блайта», – подал голос Каас.

Я вжала голову в плечи, хлюпнула носом, обхватила себя руками. Из всех сил попыталась сосредоточиться на грядущей беседе, уговорить себя, что жуткий образ – обычная ментальная иллюзия для маскарада. Я и сама в прошлом году выглядела так же благодаря пломпу магистра Риина. Но мозг, увы, больше верил увиденному, чем доводам разума.

Чернота заливала почти все глаза Джера, потемневшие руки не оставляли просветов кожи, и даже из-под ворота к мужскому виску тянулась чёрная венка. Воистину, судьба всё злее насмеялась над Юной Горст.

– Хочешь красивой жизни? – рывкнул мужчина.

Я подпрыгнула и едва не заревела. Нет, это точно не мой ментор! Ведь он, как никто другой, знает, что этого я не хочу. Но, вместо оправданий, снова хлюпнула носом и уставилась на чёрного паука на мужской шее. Захотелось схватить его, срезать с кожи этого человека, чтобы вернуть на место – моему родному, понимающему, хорошему ментору.

– Нет, – выдала я то, что без конца повторяла с тех пор, как его увидела.

Тролле дерьмо! Да как взять себя в руки, когда перед глазами стоит оживший ужас в виде Чёрного Консула? От Джера сегодня даже пахло по-другому: сквозь привычный родной запах пробивался горький полынный дух и приторно-сладкий аромат дамских духов.

Чтобы отвлечься, я обвела глазами бархатистую зелень стен, мокрую от талого снега, темнеющие проходы и голубые звёзды над головой. Увы, в сырых коридорах лабиринта не было ничего, за что можно было бы зацепить взгляд. Но я была готова смотреть на что угодно, только не на Джера!

– Нет! – уже увереннее продолжила я и перешла в неуверенное нападение: – Что ты такое говоришь? Ты сам себя слышишь?

Он не слышал. Ни себя, ни меня. Просто зло и яростно выталкивал обидные слова, будто нарочно хотел сильнее меня задеть.

– Дорогих нарядов? – продолжил напирать ментор. – Знатных приёмов, побрякушек, внимания света, собственного роскошного поместья? – он замолчал на несколько секунд, будто ожидал от меня ответа, но быстро продолжил: – Что ты считаешь достойным себя? Балы в Иверийском замке тебя устроят?

– Джер! – осадила я. – Ты просто... – слова застряли в глотке, потому что я ещё никогда не пыталась оскорбить ментора.

– Или тебе подойдёт любой хлев, лишь бы рядом был он? – Джер разочарованно ухмыльнулся.

Меня будто под дых ударили – до такой степени стало обидно и гадко от этой его ухмылки. Я никак не могла взять в толк, что же случилось с Джером, отчего он вдруг натурально взбесился. Он знал, для какой цели я связалась с Демиургом, и знал, зачем мне нужен Орден Крона. Почему же в этот миг его словно подменили?

– Ты несёшь ребячью чушь! – я открывала и закрывала рот, как рыба, в слабых попытках объяснить реакцию ментора, пока наконец меня не осенило: – Да ты просто пьян!

От неожиданной догадки безумно хохотнула. Ревд, да он и правда напился! Как же глупо это выглядит со стороны! Мне вдруг вспомнилась церемония Определения, на которой Джер так же вытащил меня из толпы. Тогда я впервые попробовала «полынный шторм». Тихонько засмеялась себе под нос, пытаюсь сгладить ситуацию, но сделала только хуже. Сильно хуже.

Ох, зря я посмела вообще открыть рот! В следующую секунду Джер схватил меня за единственное украшение – розовую жемчужину – и больно потянул. Тонкая цепочка врезалась в шею. Я зашипела от боли.

– Это он тебе подарил? – потребовал ответа ментор.

– Отдай, – серьёзно и спокойно попросила я, обхватывая ладонями крепко сжатый мужской кулак. – Демиург не имеет отношения к этой бусине.

Теперь и я начинала злиться. Ещё чуть-чуть – и он вспорет мне кожу плетёным золотом. Или, того хуже, испортит подарок Мона, сделанный с такой нежностью и теплотой. Это уже смахивает на вредительство, которое не так легко будет простить, как пьяный полынный бред.

– Это розовый жемчуг взморья Палчуг, – почти прокричал мне в лицо Джер. – Хочешь, чтобы я поверил, будто ты можешь позволить себе подобное украшение?!

– Мне его подарил Мон, ясно? – выверилась я в ответ, пытаюсь разжать мужские пальцы, но внезапно притихла и спросила: – Этот жемчуг дорогой?

Слава богам, на этот раз ментор меня услышал. По крайней мере, хотя бы часть из сказанного. Первую часть.

– Толстый целитель? – Джер смешно захлопал глазами, будто очнулся от ментального транса. – Из твоей компании?

– Из моей банды! – раздражённо выплюнула я, выдирая из его рук жемчужину.

К счастью, сделать это теперь было просто, потому что Джер больше не пытался её удерживать. Он отшатнулся, ошалело оглядывая меня с ног до головы. Наверное, только сейчас заметил, что на мне не форма академии. Задержался глазами на пауке, как недавно делала и я сама, – наверняка хотел узнать меня в новом образе.

Долго рассматривать себя я не позволила. Развернулась и обиженно зашагала вглубь лабиринта – подальше от обезумевшего и почерневшего ментора. Пусть катится к своей Элигии или в пекло Толмунда, где самое место Чёрному Консулу.

Видеть его не могу!

Магическое тепло праздника удалялось вместе с шумом и музыкой, и с каждым шагом мороз всё злее щипал меня за оголённые плечи. Но я была так разгорячена ссорой, что воз-

вращаться не собиралась. Только не пока там стоит Джер! Может, это вообще не Джер, а кошмарный сон, в который я провалилась после выпитого вина.

Каблучки босоножек гулким эхом стучали по мокрым плитам. Какая злая шутка – нарядиться в Чёрного Консула! Как он посмел заявиться в Приют в таком виде?!

Я почти перешла на бег. Второй поворот направо, десять шагов по длинному коридору. Нырнуть в проход за каменной лавкой. И как ему вообще хватило наглости обвинить меня в алчности? Он забыл, кто такая Юна Горст?!

Лёгкий ветерок взметнул ткань юбки. Руки покрылись мурашками – на этот раз точно от холода. Я зарычала и помянула кряхта. Пожалуй, сегодня я сама сделала всё для того, чтобы меня не узнали. Раздражённо швырнула сумку в ближайшую стену. Она мячиком отскочила от мягкой зелени и сиротливо приземлилась под ноги. Я пнула её и побрела дальше – вдоль длинной череды одинаковых статуй, покрытых подтаявшими шапками снега.

Кошмарный день! Ужасный праздник! Отвратительное платье, неудобная обувь и глупость, глупость, глупость маленькой Юны!

Я сама вляпалась во всё это троллье дерьмо. Надо было отказать Демиургу ещё там, на корабле, а не испытывать судьбу в надежде на чудеса.

Ещё и подарок приготовила дурацкий. Стыд и идиотизм!

Знакомый виток коридора изогнулся так, что от резкого поворота едва не закружилась голова. Или всё-таки закружилась? О Ревд, дай мне сил и терпения пережить эту бесконечную ночь!

Одинокая башня посреди открытой площадки возникла как-то неожиданно. Я застыла в проходе, наткнувшись на святилище Крона, и пугливо обернулась – не идёт ли кто следом? В лицо дунул влажный от тумана ветер, зашелестев мелкими листьями высокой изгороди. Далеко-далеко, как будто в другой жизни, громыхал оркестр, гудела толпа, вспыхивал свет. Но здесь, в самом центре зелёного лабиринта, я была одна.

Широкие плиты блестели от изморози – снег вокруг башни был расчищен, но свирь Омена сюда явно не добрались. Скорее всего, просто не нашли дорогу к спрятанному в хитрых лабиринтах просторному участку. Да и я оказалась здесь случайно: по привычке считала повороты, которые старательно запоминала в прошлый раз.

Это было к лучшему – оказаться подальше от всех. От Демиурга, от разряженных гостей, от Элигии, от Джера. Кто знает, какие сюрпризы может ещё преподнести День Династии. Пережду в одиночестве разгар праздника, возьму капрана – и бегом домой, в спокойный и предсказуемый уют академии.

Только бы не замёрзнуть!

Мороз уже не горячил, а охлаждал обнажённую кожу. Тонкий месяц над башней собрал вокруг себя горсть звёзд – один в один Демиург в окружении восторженных почитательниц.

Лунный свет лился мягко, приглушённый лёгким туманом. Я подняла голову ему навстречу, надеясь согреться этим слабым голубоватым светом, но тщетно. Музыка за спиной смолкла так резко, что тишина на миг показалась мне оглушительной. Даже свист сквозняка и шелест листьев притихли. Я поёжилась. Стало так жутко, будто в целом мире я осталась одна. Стылый воздух казался медленным, как заледенелое молоко. Я сделала шаг, скидывая с себя оковы морока, но ничего не изменилось. Чудилось, ещё немного – и сквозь дыхание я услышу шёпот ледяной россыпи, гул древних камней святилища и ток собственной крови.

Особенное место. Зря я зашла так далеко!

Оркестр грохнул с новой силой, и я резко выдохнула. Тряхнула выбившимися волосами, облизала пересохшие губы. Пора возвращаться. Должно быть, Джер уже ушёл, и мне пора. Только ещё немного постою и пойду. Всего одну минуту. Ещё минута в ледяном одиночестве, которое, как назло, лизало мою кожу теперь ещё и изнутри.

Усталость рухнула на плечи одновременно, придавив тяжестью пережитого. Как же погано всё получилось... От голода, холода и выпитого вина потемнело в глазах, и я пошатнулась. Доковыляла до башни, поджала замёрзшие пальцы и оперлась плечом о холодное полотно двери.

Чуть-чуть отдохну перед поездкой. Путь домой вмиг показался длинным и утомительным, будто мне предстояло преодолеть весь Квертинд. Окружение расплылось, смазлось единым мрачным пятном. Я крепко зажмурилась. Перед глазами поплыли яркие точки, похожие на мерцание страниц персонагвира.

Что-то я совсем обессилела. Так и знала, что все эти танцы – дурная затея! Даже после сражения с икша я не чувствовала себя так паршиво, как после вальса с Демиургом. И последующей сцены с Джером...

Пять вдохов по три секунды. Закрытые веки дрожат от напряжения, но надо взять себя в руки.

Я постояла немного, убеждаясь, что всё ещё дышу, открыла глаза. И увидела прямо перед собой грязную, намокшую, но всё ещё жёлтую сумку.

– Я должен извиниться, – родной голос мгновенно вернул меня в реальность.

Я вцепилась покрасневшими пальцами в сумку, выдрала её из мужских рук и недоверчиво оглядела ментора. Джер избавился от проклятой иллюзии и стал самим собой – обычным человеком без кровавых мутаций и свирепого блеска в глазах. Смотрел мягко и виновато. Так, что у меня не осталось ни капли обиды. Ментор был, как никогда, нужен мне сейчас... Да и всегда.

– Джер, – обрадовалась я и припала к его груди.

Безотчётно, порывисто, под действием какой-то совершенно незнакомой магии притяжения.

Джер оказался восхитительно тёплым, таким уютным и по-настоящему родным. Моим ментором. И в этот раз, как и в сотни предыдущих, беды и сомнения отступили под натиском всё сметающей нежности единственно правильных объятий. Я льнула к нему с такой жадностью, какой сама от себя не ожидала. Стало даже стыдно за то, что я так быстро сдалась и простила его. Но не настолько, чтобы хоть на секунду отстраниться.

– Ты вся ледяная, – он отстранился сам, растёр мои плечи, подул на лицо горячим хмельным воздухом. Я смешливо скривилась. – Решила замёрзнуть насмерть назло мне?

Он улыбнулся собственной шутке, но в зелёных глазах мелькнуло беспокойство. И от этой родной зелени, яркой даже на фоне изумрудной изгороди, и от этого беспокойства где-то в животе зашевелился ласковый, нежный трепет.

– Назло Кирмосу лин де Блайту, – хлюпнула носом я и попыталась улыбнуться.

Зубы стучали от холода, но от близости Джера кожа снова вспучилась крупными мурашками, согреваясь. Он сгрёб меня в охапку и крепко обнял. Спрятал от холода. Я распласталась, как ящерка на горячем камне: хотелось стать ещё ближе, проникнуть ему под кожу, свернуться доверчивым щенком у сердца.

– Прости меня, – ментор вытащил длинную заколку Сирены из моей причёски, расправил локоны по плечам. – В последнее время чувствую себя скверно. Всё время хочется выпить.

– Ты и напился, – я потёрлась щекой о его грудь и стиснула в кулаки сорочку.

Боги, какое это удовольствие! Неторопливое, томное, нарастающее. После тревог, острых эмоций и ожиданий оказаться в теплом кольце рук ментора.

– Связь крепнет, – продолжил оправдания Джер. – Я опьянел не от хмеля, а от твоего страха. Нового, иного – смешанного с удовольствием. Раньше ты так боялась только меня. И я... – он осёкся, задумался.

– И ты приревновал, – бездумно промурлыкала я себе под нос.

Сразу же осознала, что ляпнула, и застыла. Думала, он нахмурится в ответ или задумается над моими словами. Но Джер только рассмеялся. Как-то отчаянно, бессильно, но жутко заразительно. Будто я озвучила то, что он сам не хотел говорить вслух.

И я подхватила его смех. Встряхнула головой, откинула назад волосы и расхохоталась, глядя на смеющегося ментора.

Разве мы шутили?

Разве было в этом хоть что-то смешное?

Разве мог ментор ревновать мейлори из-за её страха?

– Меня ты боялась гораздо сильнее, – с какой-то извращённой гордостью заявил Джер. – Кажется, я этого и добивался. Наговорил тебе... Как ты там сказала? Детской чуши?

– Ребячьей чуши, – всё ещё хохоча, вспомнила я дурацкое выражение. – Да, в тот миг я была твоим ментором! И испугалась совсем не обидных слов, а только твоего вида... – я снова хлюпнула носом, но уже радостно. – Видел бы ты себя! Настоящий Чёрный Консул, жуткий и ужасающий! Никогда больше так меня не пугай.

Я улыбнулась широко и открыто, обхватила ладонями его лицо. Заглянула в глаза, пытаюсь уловить каждое изменение, каждый малейший отклик. Ожидая обещания, что он больше никогда...

Но Джер молча выдержал мой требовательный взгляд.

Едкая, ядовитая темнота потекла по венам вместо пульсирующего счастья. Улыбка с каждой долей секунды становилась всё менее искренней от его молчания. Мы больше не смеялись, зато оглушительно заголосил Каас. Разразился таким унижительным хохотом, от которого глаза сами собой подёрнулись пеленой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.